Ведьма на выданье

Автор:
Марина Комарова

Ведьма на выданье

Марина Сергеевна Комарова

Я попала в другой мир в тело ведьмы, которая срочно должна выйти замуж. Женихи окружают, родня злобно клацает зубами, а Князь Претемных делает неприличные намеки. Но все это меркнет после того, как у меня в собственной постели требуют развод!

Марина Комарова

Ведьма на выданье

© Комарова Марина

© ИДДК

Глава 1. Проблемы с головой

– Девушка, это ваше?

Статный черноволосый мужчина в темном костюме протягивал мне на раскрытой ладони летучую мышку. Прехорошенькую, из серебра и с глазами-гранатами.

Я хотела было уже сказать нет, но какая-то внутренняя сила подтолкнула прямо к незнакомцу, будто немо приказав забрать хорошенький кулончик. Пальцам тут же стало горячо. Тоненькая цепочка обвила их словно змея.

– Нет, не мое… – все же начала я.

– Ваше. Я видел, как выпало из сумочки, – настойчиво сказал мужчина, и от меня не укрылось, как в карих глазах мелькнули красноватые искорки. На мгновение дышать стало тяжело, краски померкли – остался только этот гипнотизирующий взгляд.

– Алина! – кто-то крикнул сзади.

Наваждение развеялось, я быстро обернулась. Кому я понадобилась? В нескольких метрах резвились дети, и оказалось, что обращались вовсе не ко мне, а к девчонке с тоненькой русой косичкой, перехваченной розовой лентой.

– Это не мое, – сказала я, вновь возвращаясь к незнакомцу, и… потеряла дар речи. Мужчина исчез. Так, словно никогда и не было.

Я озадаченно хлопнула ресницами, потом зажмурилась. Нет, ну не может быть, чтобы привиделось! Кулончик-то вот он! А куда так можно было деться на игровой площадке, через которую я решила сократить путь, шагая с работы?

Покрутив головой, я поняла, что собеседника не найти. Ну и ладно. Снова глянула на мышку. Гранатовые глазки завораживали. Да и мордашка была хорошенькая. Кто бы ни делал этот кулончик, толк в хулиганистых зверьках знал.

– Ладно, разберемся, что с тобой делать, – тихо пробормотала я, отправив мышь в карман приталенного пиджака.

Сделала несколько шагов, чтобы перейти дорогу, как тут же раздался визг тормозов. Белый джип несся прямо на меня. Я вскрикнула, попыталась рвануть к

тротуару, но ноги будто приросли к асфальту.

Паника захлестнула, сильный удар принес неописуемую боль, и меня тут же поглотила тьма.

* * *

– Ох, что же это кровиночку нашу так угораздило, а как же мы теперь? Алиночка, что ж ты так… О-о-ой… Девочка бедненькая… Да что же это такое, как мы будем-то…

Голос был женский. И совершенно незнакомый. Но страдал так искренне, что я даже сквозь пелену тумана и шума в голове насторожилась.

Хотя бы по той причине, что назвать меня кровиночкой банально некому. В интернате как-то это не очень принято, знаете ли. Ближайшей родни никогда не было, пара-тройка друзей-знакомых, но голоса у них совсем на этот не похожи. Да что там, даже соседка теть Зина так не умеет.

Я попыталась шевельнуться. Красная вспышка боли тут же прокатилась с ног до головы.

– Ох… – сорвалось с губ.

– Пан лекарь, она приходит в себя! – теперь в голосе слышалась радость. – Счастье-то какое!

«Ну, допустим», – мысленно отметила я и осторожно приоткрыла один глаз.

Яркий свет тут же заставил зажмуриться и выругаться. Боль оторопела от такого поворота дел и даже ушла на задний план.

– Тише-тише, – проговорил кто-то приятным бархатистым баритоном. – Дорота, вы ее напугаете.

Прохладные пальцы легли на мои виски. Миг – словно из ниоткуда полилась сила, мягко стирающая весь дискомфорт.

– Алина, посмотрите на меня, – сказал он мягко, и в то же время я поняла, что не ослушаешься.

Чуть приоткрыла глаза. На этот раз такого яркого света не было, и я сумела разглядеть, что надо мной склонился потрясающе красивый мужчина.

Возраст примерно тридцать – тридцать пять лет. Удивительно чистые голубые глаза, вот просто лазурное небо.

Мужественные черты лица, такие… правильные, но в то же время ни капли не слащавые, как у нашего зама по маркетингу, на которого вешается половина отдела (та самая половина, которая женского пола). Светло-русые волосы такого теплого, почти солнечного оттенка. Удивительно ласковые и в то же время сильные руки. А еще белая одежда: халат как врачебный, только с какой-то неизвестной мне эмблемой на воротнике.

И пахнет от него здорово: хвоей и какими-то травами. Как-то так успокаивающе, что хочется расслабиться, прикрыть глаза и свернуться клубочком.

Так, стоп! Никаких клубочков!

– Как самочувствие? – спросил он, неотрывно глядя на меня.

– Нор… мально, – ответила я слишком хрипло, и тут же ужаснулась, потому что как этот скрипучий ужас может быть моим голосом?

– Ну, про «нормально» это вы, моя панна, загнули, но прогресс налицо, – улыбнулся он.

– Алиночка, солнышко, мы так волновались, – затараторила стоящая рядом седоволосая женщина. – Уж всю надежду потеряли! Час-два-три… весь вечер, потом ночь, а ты все лежишь и лежишь, бледная да, считай, не живая. Уж Вислава-то, проходимка этакая, разнадеялась, что ты в себя не придешь! А сестрицы ее желтоглазые так на твои сокровища и смотрят, чуть ли зубами не

клацают!

Вислава… Сестрицы… Дорота… Так, определенно я этих людей не знаю. Но они знают меня. И даже по имени называют. Я чуть нахмурилась, пытаясь вспомнить, что произошло.

Боже, меня же сбила машина! Но… место, где я нахожусь, на больницу совершенно не похоже!

– Уж если бы не пан Шаленый, спасибо ему, то мы бы и не знали…

– Дорота, тише-тише, – мягко остановил ее мужчина. – Кажется, Алина хочет что-то спросить.

Две пары глаз внимательно посмотрели на меня.

– Да, – хрипло подтвердила я. – А вы, собственно, кто?

Дорота охнула, прижала руки к щекам. Потом посмотрела на лекаря. В ее глазах плескались легкая паника и страх. Шаленый чуть нахмурился, сложил руки на груди. Я переводила взгляд с одной на другого. Так, от меня явно ждали другой реакции. Но что есть, то есть. Внезапная амнезия может спасти вам нервы, а временами и жизнь. Главное, хоть чуть-чуть разобраться, что происходит вокруг.

– Пан Шаленый, как же так… – тихо начала Дорота. – Что же с нашей девочкой произошло? Неужели эта змея Вислава…

– Тихо, Дорота, – чуть нахмурился Шаленый. – Не переживайте раньше времени. – Потом посмотрел на меня: – Алина, что вы помните последнее?

«Странного мужчину и кулон с мышью», – чуть не брякнула я.

Но почему-то вдруг интуиция затопала ногами, давая понять, что не стоит этого говорить.

– Ничего, – ответила я с проникновенной искренностью. – Все во тьме, словно… словно…

Нужное сравнение на ум не приходило, и я разумно умолкла, посчитав, что это будет лучшим доказательством: мозг немного поврежден, расскажите все сами.

Шаленому это явно не понравилось. Именно как состояние пациента, а не что-то другое. Вряд ли меня могли заподозрить в желании укрыть правду. А вот на Дороту было страшно смотреть. Разом будто глубже стали морщины, голубые глаза потухли, а плечи опустились. Почему-то захотелось встать, обнять ее и сказать, что все будет хорошо.

Я сама удивилась возникшему желанию. Так, стоп.

– Что со мной, пан Шаленый? – задала я самый главный вопрос.

Он покосился на Дороту. Та только вздохнула:

– Алиночка, ты вечером вчера заперлась в своей комнате… ну, после громкой ссоры с Вислава, твоей теткой. И начала колдовать. Гримуары летали по дому, за окном хлестал ливень, маленький Бецик не знал, где спрятаться. А потом все как бахнет, сверкнет! Меня аж ослепило, а твою комнату наполовину разнесло! Мы с Войцехом кинулись к тебе – лежишь вся белая, без сознания. Привезли к пану Шаленому. Ты только пришла в себя.

Я слушала и переваривала информацию.

Так, колдовала. Бецик. Разнесло комнату. Боже, где я?

«Наверно, умерла, – тут же услужливо подсказал мозг. – Жила-жила и бац! Нету! А это – жизнь после жизни!».

Перспектива была странная, но… вполне возможная. Ну или я просто брежу. Ударилась головой и вот результат. Эх, не зря теть Зина всегда говорила: «С головой шутить нельзя!».

Голова, кстати, тут же отреагировала тяжестью и болью, давая понять, что надо отдохнуть.

Я потерла глаза, потом зевнула.

Дорота с беспокойством смотрела на меня. Шаленый не произнес ни слова, но по его лицу все было понятно.

– Алине надо поспать, – произнес он. – Мы придем попозже.

Но в этот момент распахнулась дверь, и в комнату влетел ураган в красном платье, на высоких шпильках и с идеальной укладкой золотистых локонов.

– Вот ты где прохлаждаешься!

Так, дама к сорока годам, но стремится выглядеть на тридцать. Макияжа столько, что хватит на двух Алин и третья еще сможет приторговывать. Фигурка изумительная, но я даже в таком состоянии вижу корсет, утягивающий талию, и декольте до пупа, выставляющее напоказ грудь. Настоящую, интересно?

– Пока я вынуждена заниматься организацией, ты здесь…

– Вислава! – попыталась осадить нахалку Дорота. – Алина плохо себя чувствует! Девочка только…

Ага, это та самая, с которой мы поругалась вчера.

– Пан Шаленый, а посторонним можно посещать больничную палату? – спросила я, невинно хлопнув ресницами.

– Какая я посторонняя? – взвизгнула Вислава. – Столько сил на тебя угробила, ночами не сплю, все хозяйство на себе тащу…

– Пресс не треснул? – поинтересовалась я.

Потоки возмущений тут же схлынули. Теперь на меня во все глаза смотрели огромные янтарные глаза Вислявы, густо обведенные подводкой. Да уж, а вот визажиста надо себе найти получше.

– Что? – тихо уточнила она.

– Пресс, – невозмутимо уточнила я. – То, что между грудью и местом, где у вас заканчивается декольте. Если он слаб, то, конечно, гору дел на себе не утащишь.

Конечно, про декольте я приукрасила, но, когда мне хамят неизвестные дамочки, все воспитание куда-то девается.

– Да как ты смеешь?! – Вислава кинулась ко мне с однозначным намерением вцепиться в волосы.

Но тут какое-то зеленое свечение обхватило ее петлей за талию и приподняло над полом.

– Панна Каторжинская, вы забываетесь, – сказал Шаленый таким ледяным тоном, что даже у меня по спине пробежали мурашки.

Вислава бросила на него полный ненависти взгляд, дернула ногой – туфля на шпильке тут же упала на пол.

– Вы слышали, как она со мной разговаривает, малолетняя хамка!

– Потому что ты первая начала, – тихо сказала Дорота.

– А ты все время ее прикрываешь! – накинулась на нее Вислава. – Вот выясню, кто за всем этим стоит, выгоню из дому!

Та немного сжалась. Но при этом во взгляде все равно читалось неодобрение.

А мне стало обидно за седовласую женщину. Во всяком случае она отнеслась ко мне очень неплохо. И это чувство даже перебило шок от увиденного. Ведь сопоставить с законами физики висящую в воздухе Виславу со странной зеленой петлей на талии у меня пока не получалось.

– Дорота, напомни, а кому принадлежит наш дом? – мягко уточнила я.

Выстрел наугад. Если мы вдруг в приживалках у тетушки, то все сложно. Но если что – сошлюсь на проблемы с головой. Мне можно.

– Тебе, Алиночка, как единственной наследнице своего покойного отца, – тихо сказала Дорота.

Есть!

Новый взгляд Вислявы был бальзамом на душу. Злобненький такой. Отлично. Нечего тут хозяйничать тогда.

– Пан Шаленый, – ласково обратилась я. – Что-то голова болит…

Он понял без слов. Вислава оказалась на полу, быстро надела туфлю и жутенько зыркнула на меня. Я улыбнулась медовой улыбкой, хоть и не исключила, что ночью меня могут прийти душить подушкой.

– Панна Каторжинская, прошу вас покинуть палату, Алине необходим отдых.

Та не осмелилась перечить лекарю и, выпрямившись струной, гордо цокая каблуками, вышла прочь.

– Я приду позже, Алиночка, – пообещала Дорота и тепло улыбнулась, в уголках глаз появились морщинки-лучики. – Что тебе принести?

Сонливость подкралась на мягких лапах, обнимая подобно огромному коту.

– Принести? – сонно повторила я и брякнула: – Блинчики.

Она удивленно моргнула, но потом кивнула.

– А теперь спать, – прозвучал голос Шаленого, и прохладная ладонь легла мне на лоб, погружая в сладкий сон…

…Кто-то настойчиво стучал в окно. Да так, с остервенением.

Я раскрыла глаза и уставилась в потолок. Правда, ничего не увидела, ночь давно. Только из окна, находящегося возле кровати, льется свет звезд и луны. И грохот.

– Алина! Алина, открой! – сердито пищал кто-то. – Кузяк тебя за ногу! Я же свалюсь! А-а-а!

Сама не понимая почему, я кинулась к окну, открыла защелку, и тут же со свежим ночным воздухом в комнату ворвался какой-то крылатый комок. Комок верещал неприличными словами и тормозил по покрывалу.

Я судорожно схватила его. Комок замер, а потом… полез обниматься.

– Алина! Алиночка! Эти изверги не пускали меня, говорят, никаких животных! Сами они животные! Я фамильяр, я…

Пока он безостановочно трещал, я сидела и осознавала. Первое: я обнимаюсь с летучей мышью. Большой. Размером с кота. Второе: мышь трындит. Много. Третье: я все-таки сошла с ума. А-а-а-а!

– Чего орешь?! – Мышь с перепугу откатилась в сторону и подозрительно посмотрела на меня красными глазками.

Во тьме зрелище было еще то. Я закрыла рот, моргнула, снова открыла.

– Только не говори, что не узнаешь меня, – тихо произнесла мышь, пятясь к бульцу кровати.

– Не узнаю, – признала я. – Да и вообще первый раз вижу, чтобы летучие мыши говорили с людьми.

– Мыши и не говорят, – вдруг рассердился мой визави, – а фамильяры очень даже! Алина, это же я, Бецик!

Тишина. Звук судорожно щелкающих извилин. Результат: ноль.

Хотя… Дорота говорила что-то про Бецика. Следовательно, вот он… такой. Собственной персоной. Тот, который не знал, куда спрятаться, когда я колдовала. Уже ближе, но все равно все сложно.

– Когда Шаленый говорил, что ты потеряла память, я думал, что это для запугивания пиявок-родственников. Но, кажется, все ой как плохо, – задумчиво изрек он и снова подобрался ко мне. – Так, давай вспоминай. Тебя зовут Алина Альжбета Каторжинская, двадцати трех лет от роду, невинная.

«Очень даже винная!» – чуть не ляпнула я, но вовремя прикусила язык.

В конце концов, когда тебе еще биографию расскажет такой… необычный собеседник. К тому же эти знания сейчас необходимы.

– Единственная наследница могущественного ведьмака Анджея Каторжинского, ныне покойного. Точнее, пропавшего без вести, но уже век нигде не появлявшегося, потому официально считающегося покинувшим нас.

Я закусила губу. Так, информация интересная. С одной стороны, хочется бегать и орать: «Какая ведьма? Вы тут все бренькнулись?», с другой – со мной говорит летучая мышь. Поэтому, кто тут бренькнулся, – это очень хороший вопрос.

– Алина, мне не нравится выражение твоего лица, – авторитетно заявил Бецик.

– Мне сейчас много чего не нравится, – призналась я. – Но об этом потом. Скажи мне, Вислава… она…

– Такая гадина, – тут же пожаловался Бецик. – Так бы и проредил ей патлы, но ты не разрешала.

– Да ну? – искренне удивилась я. – Так люблю родственницу?

Бецик озадаченно моргнул.

– Терпеть не можешь. Но ты ж у нас всегда такая вежливая, тихая. Мухи не обидишь, даром, что ведьма. Вот и всегда просила меня на эту кобру не гадить… не ставить ее в неловкое положение.

Хм-хм, теперь понятна реакция Вислявы на мои слова. Если Алина была робкой девочкой, то даже такое замечание сломало шаблон. Ладно-ладно, разберемся. Обижать себя не дам.

– А она у нас на каких правах живет?

– На правах того, что все свое наследство промотала, а твой отец тогда пожалел ее. Хоть и кругом его боялись, но с родными он всегда был добр, – заметил Бецик. – А его не стало, так Вислава вовсе охамела. Еще притащила своих сестер по обряду, у-у-у, выдры, я бы их…

– Успеется, – решительно сказала я.

Бецик снова подозрительно посмотрел на меня.

– Алин, а ты хорошо головой приложилась. Теперь ясно, почему Вислава верещала на всю лекарню. Я-то значения не придал, но теперь понимаю.

– Ты мне дальше давай, – нетерпеливо перебила я. – Про Дороту, про Шаленого, про колдовство.

– Да что тут… Дорота служит в доме давно, еще при дедушке твоем была. Домоправительница. Любит тебя, как родную. А Шаленый – хороший лекарь, уважаемый пан. Вот тебя к нему сразу и повезли.

– А насколько безопасно мне появляться в доме?

Бецик позабыл, что говорил. Только возмущенно взмахнул крыльями.

– Ну ты скажешь! Это пусть они тебя опасаются!

Неплохо бы. Но, судя по всему, это просто утешение. Так как он сам сказал, что Алина была «тихая».

– И ты не забывай, что там же Дзяды, а потом Выданье! – вдруг занервничал он. – А там хочешь не хочешь, надо быть в форме!

Час от часу не легче.

– А… – начала было я, но по коридору раздались шаги.

– Божечки-мышечки, меня не должны тут видеть! – Бецик в панике заметался по кровати. – А-а-а, спасите!

– Да тихо ты! – шикнула я и, ухватив его за шиворот, сунула под покрывало.

Он пискнул и попытался возмутиться, но я тут же кинула сверху подушку.

Дверь тихонько приоткрылась, бледно-золотистый свет просочился сквозь щель между полом.

– Алина, вы не спите? – шепотом спросил пан Шаленый.

– Сплю, – невозмутимо отозвалась я.

Вообще, просто обожаю этот вопрос. Спящий человек на него попросту не ответит, а неспящий… ему задавать вопрос не очень-то разумно.

– И говорите во сне? – ни капли не смутился лекарь и бесшумно вошел в палату. – Прошу прощения, но я услышал, что вы с кем-то разговариваете.

– С… сама с собой, – выкрутилась я, глядя, как над ладонью Шаленого появился светящийся голубой мотылек. Мягкое сияние рассеяло тьму не хуже ночника.

– Если пациента тянет на разговор с умным человеком, то это замечательно, – улыбнулся лекарь и сел на стул, стоявший неподалеку.

Я заметила, что он рассматривает меня. Спокойно, без каких-либо липких намеков, но в то же время с интересом. И, кажется, немного растерялась. С одной стороны, приятно, что на тебя так смотрит весьма симпатичный мужчина, с другой… я его совсем не знаю, а мы одни в темной комнате.

Дура ты, Алина! Он же врач! Смотрит на тебя, как на пациента, а не на девушку!

Хотя что-то подсказывало, что и немножко как на девушку тоже.

– Алина, вам очень трудно с ними жить? – вдруг ошарашил он вопросом.

Под покрывалом завозился Бецик, тыкая меня лапами в бедро. Я легонько дернула его, чтобы не пихался.

– С кем? – на всякий случай уточнила, понимая, что перед лекарем разыгрывать дурочку особо не получится.

– С вашей семьей. Особенно после смерти отца.

Да уж, ну и вопросец. И до смерти-то не знаю, как жилось! Однако выбирать не приходилось, к тому же сейчас правда убедительнее любой лжи.

– Может быть, я и могла бы что-то сказать, но я действительно не помню ничего, пан Шаленый. Совершенно.

Он откинулся на спинку стула, сложив руки на груди и задумчиво поглядывая на меня.

– Я вижу, что вы не врете. Но все же надеялся на прогресс.

О как. Бецик замер, и я устроилась поудобнее, подоткнув подушку.

– А когда память вернется, кстати?

Шаленый помрачнел. И это мне совсем не понравилось. Если на тебя так смотрит врач, то или ты совершенно здоров, или уже умер. Одно из двух. Судя по тому, что я дышала и думала, вариант первый. Но при этом есть что-то, от чего лекарь не в восторге.

– В том-то и загвоздка, что вы целиком и полностью здоровы, Алина. Что именно с памятью – определить сложно. То ли удар повлиял, то ли что-то было в заклятии, которое вы читали вчера. Если вспомнить его, то дело пойдет веселее.

Здрасьте, приехали. Замкнутый круг.

– Ясно, – кивнула я, прикидывая, как глубоко вляпалась. А получается, что очень глубоко. – А когда меня отсюда выпустят?

– Это не тюрьма, Алина, – чуть нахмурился Шаленый, явно задетый моими словами.

– Простите, я не хотела вас обидеть, – искренне повинилась я. – Так когда?

– Завтра, – огорошил он ответом.

Несколько минут я сидела молча, соображая.

Лекарь же тихо встал, пожелал спокойной ночи и покинул помещение.

– Завтра… – эхом повторила я.

– Пусти! Пусти меня! Пи… – донеслось из-под покрывала.

Я спохватилась и помогла Бецику выбраться. Тот махал крыльями, перебирал лапами и непрерывно пыхтел. В пыхтении явно крылись зашифрованные ругательства, характеризующие меня как очень плохую ведьму, отвратительную хозяйку и безалаберную пациентку.

– Ну ладно-ладно… – Я сгребла фамильяра в объятья и прижала к груди. – Не верещи. Сам сказал, что тебя не должны видеть!

– Но это же не повод меня придушить!

– Ну…

– Так! – Бецик для убедительности еще раз подрыгал лапой. – Завтра домой – это хорошо. У нас дел невпроворот. Во-первых, надо выяснить, можешь ли ты колдовать. Во-вторых, проследить, чтобы Вислава не устроила какую гадость, с нее станется. В-третьих…

– А как проверим с колдовством? – задала я самый важный вопрос.

– О, ну это не так сложно, – отмахнулся крылом Бецик. – Спросим для начала Басю. Как гримуар он грамотный, откроет нужную страницу.

Гримуар Бася? У меня что, все на «б», что ли? Ладно, переживем, это же не на «х».

– А потом… Выданье же, и придется обороняться по полной.

– Бецик… – Я поймала за крыло топтавшегося рядом фамильяра. – Я знаю только одно значение слова «выданье». Ну-ка скажи, что я должна буду сделать?

Он посмотрел на меня так, будто я спросила, зачем летать летучим мышам.

– Алина, не пугай меня. После Дзядов ты должна будешь выйти замуж за одного из претендентов на руку наследницы рода Каторжинских и предстать перед Князем Претемных.

Глава 2. Родовое гнездо Каторжинских

Утро началось с ласковых солнечных лучей и пронзительных женских криков Вислявы. Прислушавшись, я поняла, что родственница крайне взбешена.

– Вы не имеете права держать меня здесь! Я должна ее видеть! Немедленно!

Ей что-то ответили, но что именно – не разобрать. Интересно, какой еще подарочек приготовили милой тетушке, что ее с утра прямо так принесло… в гости?

– Я на всех буду жаловаться бургомистру! – взвизгнула она. – Вы у меня еще попляшете!

Хотелось метнуться к двери и выглянуть в коридор, но я здраво рассудила, что своей всколоченной шевелюрой и заспанной физиономией никого не впечатлю. Поэтому тихонько выглянула в окно. Вислава не появилась. Хм, побежала жаловаться?

В дверь постучали.

– Войдите! – крикнула я.

В помещении появилась симпатичная пухленькая женщина в белом халате. Присмотревшись, увидела, что на вороте был вышит тот же символ, что и у Шаленого.

– Доброе утро, панна Каторжинская. Как вы себя чувствуете? – спросила она звонким голосом.

«Что-то вроде медсестры», – мелькнула мысль.

– Хорошо, – ответила я.

– Тогда… – Она подошла ко мне, в руках оказался пакет с вещами и гигиеническими принадлежностями. – Давайте в купальню, а потом подготовим вас к выписке.

Накинув приготовленный медсестрой халат, я последовала за ней. Пока шли, с интересом осматривала коридор. Ничего, в общем-то, особенного. Светло, просторно, пахнет травами и хвоей. Вроде бы и похоже на больницу, но в то же время как-то уютно, что ли. Вот чувство, что, попав сюда, непременно станешь здоров.

Меня подвели к купальне, медсестра щелкнула пальцами, и бледно-зеленый огонек пробежал по дверям, которые тут же открылись.

– Если что, я рядом, – сказала она.

– Хорошо, – кивнула я и, подхватив пакет с вещами, зашла внутрь.

Слева висело зеркало в массивной раме с львиной мордой сверху. Только вот оно почему-то отражало не меня, а какую-то серую невзрачную девицу.

Худая как палка, кожа бледная, волосы мышиного цвета. Черты лица мелкие и не особо привлекательные, глаза желто-зеленые, нос курносый, губы тонкие.

Пакет выпал из моих рук.

А тело… Привлекательный изгиб талии стал какой-то угловатой линией. Бедра усохли, ноги стали короче. Грудь из аппетитного третьего размера превратилась в стыдливую полторушку. Ладони судорожно скользнули по телу.

Где…

– А где-е-е-е? – заорала я и бухнулась в обморок.

Пришла в себя от того, что лба касалось что-то холодное. Приоткрыла один глаз и увидела обеспокоенное лицо склонившегося надо мной Шаленого.

– Алина, что произошло?

– Я… – голос ослушался, кашель начал душить изнутри.

Мне помогли сесть. Медсестра была белая и расстроенная, она явно не ждала, что пациентка грохнется сразу, едва ее оставят без наблюдения.

– Плохо выгляжу, – пробормотала первое, что пришло в голову.

– В лекарне не бывает красавцев, – хмыкнул Шаленый.

Красавцы – это одно. А отражение… Оно не мое! Мне не надо, заберите назад!

Шаленый прикоснулся к моему плечу.

– Алина, встать сможете?

– Дайте руку, – не растерялась я.

Он удивленно приподнял брови, но не задал лишних вопросов и помог мне встать. Слава богу, не было ни головокружения, ни слабости, ничего из того, что могло бы появиться после падения.

Жалко только, что из зеркала на меня снова смотрела та же страшненькая девица. Ужас. Мало того, что я проснулась в каком-то параллельном мире, так еще и в чужом теле.

Паника снова начала затапливать с ног до головы, но я взяла себя в руки. Так, стоп. Сначала водные процедуры, потом – вопли. И вообще, если буду страдать и теряться, то золотце Вислава съест меня раньше, чем успею обернуться.

Мысли о желании поджарить родственницу придали сил.

– Одну купаться не пущу, – вдруг заявил Шаленый.

Я даже забыла, что еле стою, и с интересом уставилась на лекаря. Он по идее должен был бы смутиться, но нет, смотрел на меня тоже прямо и всем видом показывал, что ни за что не отступится от своего.

– Хотите со мной? – поинтересовалась я, невинно хлопнув ресницами.

Правда, тут же расстроилась. Такой внешностью только соблазнять симпатичных мужчин, эх…

Шаленый улыбнулся уголком губ.

– Алина, не знаю, что там у вас вчера было, но оно явно пошло вам на пользу.

После этого меня отправили на водные процедуры вместе с медсестрой. М-да, нет в жизни счастья.

Я была уже причесана и одета, когда пришла Дорота.

Она, как и обещала, принесла блинчики. Тоненькие, кружевные, золотистые. Только при виде их желудок уже повязал слюнявчик и вооружился вилкой и ложкой. К тому же к ним прилагались клубничное варенье и свежие сливки. Объеденье! Да еще вместе с кофе. Вот за что я была готова расцеловать свою благодетельницу, так это за него! Душу продам за чашку крепкого черного кофе!

– Нравится? – осторожно поинтересовалась Дорота, глядя на меня.

– Безумно! – ответила я с набитым ртом. – Превосходно!

– А аппетит у нее лучше прежнего! – неожиданно донесся чей-то веселый голос.

Мужской. Незнакомый.

– Кто здесь? – заозиралась я.

Раздался тихий смешок, дверь раскрылась, и вошел статный широкоплечий красавец. Я даже забыла про блинчики, глядя на него. Высокий зеленоглазый шатен с ослепительной улыбкой. Немного небрит, очаровательно небрежен и смотрит тепло и задорно.

– Лешек, нехорошо подслушивать, – укорила его Дорота.

Он развел руками.

– Дорогая, я просто шел мимо. Кстати, машина уже подана, поэтому давайте, прекрасные пани, не будем задерживаться.

Я только моргнула. Так, очень интересно. За нами приехали, да еще и такой вот… красавчик. Обычно это мой типаж, люблю балагуров, которые умело играют эту роль, а на самом деле толковые и надежные товарищи. Только вот как так получилось, что его голос звучал в комнате, когда самого Лешека тут не было?

Он приблизился:

– Привет, Алина. Только не говори, что не узнаешь меня.

Вроде бы сказал шутливо, но я расслышала нотки беспокойства. Кажется, для него это было очень важно. Может быть, у Лешека и мышиной ведьмы (я так про себя окрестила хозяйку тела, которое мне досталось) был роман?

Конечно, маловероятно, но все же… В жизни бывает разное, нередко симпатичный мужчина влюбляется в совершенно бесцветную девочку и носит ее на руках до конца жизни. Беда, что я понятия не имела: было ли что-то между Лешеком и Алиной Альжбетой Каторжинской или нет?

– Ну… – многозначительно начала я.

– Алиночка, это же Лешек, – тихо сказала Дорота. – Наш сосед и твой друг детства.

Так, уже лучше. Но воспоминаний не прибавилось.

Он чуть нахмурился, качнул головой:

– Ладно, девочки, жду вас на улице.

Мы с Доротой быстро собрались, взяв лекарства от пана Шаленого, которые мне прописали для восстановления памяти и «колдовских сил и способностей». Как восстанавливать последние, я не понимаю в принципе, однако пока не спешу об этом никому рассказывать.

После вчерашнего разговора с Бециком поняла, что придется очень много разузнать.

Пан Шаленый проводил нас. Осторожно придержал за руку, задержав перед спуском со ступенек лекарни.

– Алина, очень прошу вас. Если только почувствуете недомогание, сразу приезжайте. Или хотя бы пришлите весточку. Сейчас вы колдовать не можете, но у вас всегда есть фамильяр. Я знаю, что этот прохвост вчера пробрался в палату.

Я открыла рот, чтобы защитить Бецика и его мотивы проведать хозяйку, но вместо этого спросила совершенно иное:

– Пан Шаленый, сегодня слышались крики Вислявы. Что хотела дражайшая тетушка?

Он усмехнулся:

– Проведать вас, чтобы о чем-то «пошептаться». Но после того как сторожевые духи нашли у нее в кармане фляжку с отравой, то, сами понимаете, родственный визит отложился.

– Отравой? – чуть не уронила я челюсть.

А будет весело, ничего не скажешь.

– Зельем, которое блокирует колдовские силы, – пояснил он. – Для ведьм и ведьмаков это действительно отрава, хоть и не смертельная.

Я чуть нахмурилась. Так-так, тетушке невыгодно, чтобы у меня восстановилось то, что хорошенько приложило меня, и не факт, что не отразилось на Виславе. Надо быть осторожнее с едой и питьем, а то тут, оказывается, меня уже готовы угостить.

– Если что – непременно свяжусь, спасибо за предупреждение, – пообещала я и направилась к машине.

Спустя пару минут до меня дошло, что машина немного… не такая, как надо. Похожа на винтажный кабриолет черного цвета. Только там, где должны быть колеса – сгустки фиолетового пламени. И ощущение, что кабриолет завис над землей в нескольких сантиметрах.

Лешек открыл дверцу.

– Прошу, прекрасные пани.

Дорота нырнула на заднее сидение первой, я – следом. Язык так и чесался задать вопрос: «А оно вообще поедет?», но удалось смолчать.

– Где Бецик? – поинтересовалась, понимая, что без летучего мыша я сейчас как слепой на оргии – все выясняю на ощупь.

– Ох! – Дорота кинулась меня обнимать. – Алиночка, ты помнишь своего фамильяра!

– Немного, – промямлила я, наблюдая, как Лешек садится за руль.

Уловила его мимолетный взгляд, правда, ничего прочесть не могла. Он рад, что я помню фамильяра? Или же просто задумался о чем-то своем?

– Я поеду через центр, – сказал он. – Пока еще в городе не так много людей, проскочим.

– Ох, это точно, – согласилась Дорота. – На Дзяды тут будет не протолкнуться.

– А почему?

Слова сорвались с губ быстрее, чем я успела хорошенько подумать.

Однако Дорота уже спокойно воспринимала, что с памятью у меня беда, поэтому не удивилась.

– Так поминальные дни всего княжества. Все съезжаются к местам силы.

Я смотрела по сторонам. Старые аккуратные дома, брусчатка на дорогах, уютные кофейни, изумительной красоты фонарные столбы, узкие улочки… Вот что-то напоминает, есть ощущение, что я была тут. Или в местах, которые очень похожи.

– А Львовиш у нас этого добра полон под завязку, – подал голос Лешек. – Не зря же который год бургомистру вручают Ключ колдовства.

Львовиш… Я невольно вздрогнула. Господи, точно! Город напоминает Львов, в котором я была год назад! И архитектура, и атмосфера. Только вот не современный Львов, а то, каким он мог быть где-то век назад.

– А после Дзядов идет Выданье, – тихо сказала Дорота. – И этот праздник тоже не мал. Потому что это самое благоприятное время для браков и силы ведьм.

Ой, как мне нужен Бецик. До ужаса просто!

Мы проехали мимо башни городской ратуши, Музея Колдовского искусства, Львовишской Национальной Академии, Площади Рынок, костела Эльги и Эржебет… Когда последний величественно проплыл рядом, я едва не выпала из автомобиля. Нет, минуточку! Тут что, есть христианство? Ведьмы, колдуны и… Или же это все параллельная реальность, которая только внешне похожа, но внутри все другое.

И спросить неудобно, но хочется!

– Какой красивый, – все же тихо сказала я.

– О, один из лучших в Речи Шветной, – тут же ответил Лешек с затаенной гордостью.

Так говорит, словно сам строил. Хотя, вряд ли… Лешек слишком молод, а на вид здание совсем не юное.

Мысленно я сделала себе на памяти зарубку: Речь Шветная. Что бы это ни было, необходимо узнать. Если со Львовишем разобрались, то это… И вроде бы слышала подобное, но пока мозг вырядился в юбку из пальмовых листьев и выплясывает макарену, давая понять, что не намерен ничего вспоминать.

Когда мы подъехали к дому, стало ясно: будут проблемы.

Это… Это не просто домик для маленьких поросят, это трехэтажный особняк дракуловского вида с легким эстетизмом восточно-европейского стиля. То есть сурово и впечатляюще, но в то же время имеется место для задорных финтифлюшек на балконах, оконных рамах и дверях.

– Дорота, – резко осипшим голосом позвала я.

– Да, Алиночка? – Она тут же оказалась рядом. – Что?

– А у меня еще и состояние есть?

– Разумеется! Сто тысяч злотишей и усадьба возле Унгвара!

Под коленками ослабло, Лешек вовремя подхватил меня под руку, не дав упасть. Я совершенно не разбиралась в местной валюте, но что-то подсказывало: это очень приличная сумма.

– Ну идем, идем же, – засуетилась Дорота. – Сейчас отдохнем с дороги, и все будет хорошо.

Едва открылась дверь, как мне на голову свалилось что-то тяжеленькое и хлопающее крыльями.

– О-о-о! – тут же заголосило оно голосом Бецика. – Алина, прости-прости, я уже час репетирую, чтобы вцепиться этой мерзавке в белые патлы, а это ты.

Я ухватила фамильяра, не давая скрыться.

– Ты мне нужен! – заявила таким тоном, что Лешек и Дорота недоуменно переглянулись.

Бецик же оказался тварью сообразительной, поэтому быстро полетел вперед.

– Мы в комнату Алины, – сообщил непререкаемым тоном, и я, не теряя времени, последовала за ним.

Преодолевая деревянную лестницу и глядя на портреты, висевшие на стене, услышала:

– Ты уж прости, Лешек, девочка сама не своя. Точно обидеть не хотела. Идем на кухню.

Упс, кажется, я что-то сделала не так. Но… во имя господа и вот этих конопатых предков на картинах, как мне нужно было себя вести?

Комната Алины неприятно поразила. Где все эти милые сердцу женские штучки? Шторочки, оборочки, куча статуэточек на туалетном столике? Нет симпатичных полочек, где книги, блокноты, принадлежности для рукоделия…

Ощущение, что тут жил солдат. Весьма и весьма унылый, различающий только пятьдесят оттенков серого. При этом не в игриво-эротическом подтексте известного фильма, а в самом что ни на есть прямом.

Стол, зеркало, два шкафа, кровать. Все.

Учитывая, что деньги у Алины были, возникают очень странные мысли. Она не могла ими пользоваться? Или просто не считала нужным?

Нахмурившись, я рванула к шкафу. Распахнула его и… застонала. Хочешь узнать какая женщина – загляни к ней в шкаф! И если на тебя будут стыдливо смотреть серые платья, брюки, блузы и юбки, то… то что-то тут не так.

Когда Дорота сегодня принесла мне весьма уродливое платье фасона «мешок картошки», я не умничала, потому что не до того было. Но тут… Тут же полный абзац! Нет, я не носила дизайнерские шмотки, никогда не была иконой стиля, но все же любила видеть себя в зеркале хорошенькой и женственной, а не вот это все.

Как говорила незабвенная теть Зина: «Девушку должно быть видно, а не так, чтобы сливалась со стенкой!»

И было в этом что-то мудрое.

– Ты уснула? – поинтересовался Бецик, спикировав на мое плечо.

– Я страдаю, не мешай, – буркнула я и тут же спохватилась: – Что такое Речь Шветная?

– Это княжество, в котором мы живем, Алина, – вздохнул Бецик. – И правит им славный Князь Претемных Вацлав Шлях-Успенский. Сволочь такая.

– Как-то ты не очень уважительно о правящей персоне-то, – заметила я.

– Что есть, то есть, – буркнул Бецик.

Потом взмыл вверх и подлетел к массивной книге, подпиравшей ножку шкафа. Хм, я ее сразу и не заметила.

– Алина, помоги мне. Пока нет Вислявы, а Дорота и Лешек хозяйничают на кухне, можем успеть восстановить твою память.

Звучало заманчиво, но книга как-то не внушала доверия.

Во-первых, она была большой, с приличный такой ноутбук. Во-вторых, толстой. Такой прибить – ничего не стоит. В-третьих, на ней был замок в виде львиной морды, в пасти которой зажималось кольцо. Обычно такие бывают на дверях, чтобы гость мог постучать.

– Давай-давай! – поторапливал Бецик.

Я медленно присела. Протянула руку, пальцы обдало теплом. Глаза льва сверкнули алым всполохом. Голова закружилась, в нос ударил запах трав и кофе, крепкого-крепкого и безумно ароматного.

Дыхание застряло в легких, будто под гипнозом, я потянулась к гримуару, и тут в дверь настойчиво постучали.

– Алина! Можно войти?

Че-е-ерт! Явился! И кто тебя звал, Лех Скорбута? Вечно ты…

От неожиданности я плюхнулась на пол. Имя! Я вспомнила полное имя Лешека! Значит… не все потеряно!

Одновременно радуясь и будучи раздраженной, я встала и подошла к двери.

– Что случилось? – спросила я, открывая ее.

– Дорота зовет, – сказал он, серьезно глядя на меня.

Эх, эти зеленые глаза. Вот почему нельзя взять себе мужчину, который понравился? Просто вот взять и принести домой. Сказать: «Дорогой, теперь ты будешь жить здесь. Я все уладила».

«Потому что нельзя приносить чужое в дом, особенно, если это красивый самец, очередь на которого простирается от Львова до Одессы», – тут же сообщил внутренний голос.

Вздохнув, я уже собралась последовать за Лешеком, но он не сдвинулся с места. И единственное, что хорошо получилось – это с разбегу ткнуться в широкую грудь. Вдохнуть запах лаванды и почувствовать, как горячая ладонь легла на спину.

– Алина, – шепнул он мне в макушку. – Я понимаю, что ты сейчас сама не своя. И с такой родней и правда не просто остаться в своем разуме. Но… если тебе понадобится помощь. Или что-то еще, знай: я всегда рядом.

Лешек больше ничего не сказал, но у меня почему-то сжалось сердце. То есть приятно до безобразия. Человек предлагает помощь и так… обнимает.

– Я поняла, – сказала куда более хриплым голосом, чем хотелось.

Волшебные объятия Лешека исчезли, зато в плечо тут же вцепились коготки Бецика.

– Я голоден! – заявило летучее недоразумение и намекнуло: – А Дорота никогда не пьет чай без… без ничего. Ну идем же на кухню!

Лешек усмехнулся, качнул головой.

– Идем.

Пока нас вели на кухню, я пыталась понять, какие отношения все-таки были у Алины и Лешека. То ли он безнадежно влюблен, а она не отвечала взаимностью, то ли все только начиналось…

Очень странная пара. И приятно, что, оказывается, такой красавец готов помогать, и в то же время это несколько странно. Как там сказала Дорота? Друг детства и сосед, так-так.

Кухня оказалась уютной и просторной. Вопреки моим ожиданиям увидеть какие-то ведьмовские горшки, пестики и травы, взору открылись светлые шкафчики, плита, вытяжка, духовка, деревянная мебель. Чистенько, свежо, приятно.

Правда, вот на столе с фруктами и специями стоит какой-то подозрительный казан, в котором можно сварить Бецика, но об этом я подумаю потом.

Нас снова ждал кофе, ароматный и чудесный. А еще пирожки с разными начинками, настолько свежие и хрустящие, что вмиг захотелось позабыть о всяких диетах.

Едва мы сели, как Лешек неожиданно спросил:

– А вы уже получили приглашение от Князя Претемных?

Я покосилась на Дороту. Мол, чего молчишь? Не видишь, ем я, ем! И вообще память взяла вещи и уехала в Гонолулу.

– Получили, – сказала она, опустив взгляд. – Алиночка, помнишь, как ты тогда побледнела сильно, а Вислава выхватила у тебя приглашение из рук и чуть ли не в пляс пустилась.

– Стерва, – вырвалось у меня.

Лешек и Дорота уставились на меня, будто я сказала, что хочу Бецика в мужья.

– Простите, – тут же пробормотала, вспомнив, что прежняя мышиная ведьма такого себе не позволяла.

– Что так радовало Виславу? – направила я разговор в нужное русло.

– Выданье, – мрачно сказал Лешек, и сделал глоток кофе. – После Дзядов наступает неделя Выданья, когда наследница каждого сильного ведьминского рода должна выбрать себе жениха. И потом все отправляются в замок Князя Претемных, где он дает свое благословение. Одной из ведьм и ее избраннику он делает свадебный подарок – сильный артефакт, который станет защитой всему роду.

Какой интересный князь… Хм, может, Вислава скакала от радости, думая, что артефакт дадут Алине? Если защита на весь род, по идее и тетушку прикроет тоже. Только вот где гарантия, что князь расщедрится именно на Каторжинских?

Ох, что-то тут нечисто.

Бецик тем временем с удовольствием трескал пирожок с капустой, а я вдруг осознала, что безостановочно на него пялюсь.

– Мыши же не едят пирожки, – ляпнула я.

– Я не мышь, я – фамильяр! – оскорбился он и гордо подвинул к себе крылом креманку с мороженым и желе, которую Дорота едва успела выставить.

– Твой фамильяр крайне прожорлив, – заметил Лешек. – Даже моя Матильда до него не дотянет.

– Матильда – кошка! – сообщил Бецик таким тоном, будто кошка – это нечто оскорбляющее этот мир.

– Ладно, не ворчи, – отмахнулась я, понимая, что не спросила что-то важное, а мысль никак ухватить не могу.

Да что ж такое… О!

– Скажите, а какие условия для участия в этом Выданье кроме статуса наследницы рода?

Лицо Лешека почему-то превратилось в каменную маску, а Дорота посмотрела на меня с непонятным выражением лица.

– Ведьминская сила и девственность, – внес ясность Бецик, понимая, что от этих толку не добьешься.

Сложно. Хотя с такой внешностью и характером неудивительно, что…

– И много обычно кандидаток на подарок от Князя? – уточнила я, вертя в руках серебряную ложечку.

– Алиночка, кто же его знает? – покачала головой Дорота.

– Тут надо самой только побывать, чтобы что-то узнать, – заметил Лешек.

«Ага, бегу, волосы назад», – чуть не брякнула я, но со двора донесся противный сигнал.

– Вислава приехала, – мрачно заметила Дорота.

Я невольно напряглась и вместо ложечки взяла вилку. Если что – буду метать в тетушку. И тут же поймала одобрительный взгляд Лешека.

Глава 3. Скандал – дело семейное

Ждали все.

Я, что Вислава начнет говорить, Вислава – что я начну оправдываться.

Она, кстати, чудесно выглядела: замечательный пиджак и юбка-карандаш цвета сливы идеально подчеркивали фигуру (в отличие от тела Алины, у Вислявы с этим был полный порядок). На золотистых локонах была изящная шляпка, серьги и бусы в виде фиолетовых ягод с капельками росы украшали и освежали как

нельзя лучше.

Вообще, прекрасный костюм! И совершенно не прекрасная Вислава.

– Чаи распиваете, – хмуро прокомментировала она. – Пока мы убиваемся там, не знаем, как все организовать, она прохлаждается.

– Мы? – деликатно уточнил Лешек.

Вислава перевела на него взгляд, глаза округлились. Охо-хо, а он же так сидит, что сразу и не заметишь, вот она и удивилась.

– О, Лешек, добрый день, – в голосе тетки тут же появились мурлыкающие нотки. – Рада видеть в нашей скромной обители.

Так-так, это уже интересно. Неровно дышим к симпатичному соседу, тетушка? Только вот что-то он совсем не в восторге от встречи. Да и старовата ты…

– Так что там за «мы организовываем»? – невинно уточнила я. – Хотелось бы быть в курсе, что там происходит за моей спиной.

Я думала, что Вислава отмахнется или фыркнет, но та неожиданно побагровела, будто уличили в чем-то подсудном.

– Если бы ты хоть чем-то интересовалась, Алина, то и знала бы! Вечно от всего сбегаешь в свою нору! А мне только и остается, что писать письма князю и умолять не бросать наш род!

Я уже раскрыла было рот, но почувствовала, как Дорота сжала мою руку под столом. Так, что это? Знак молчать? Ладно.

– Да что ты с ней панькаешься, – раздался грудной женский голос, и на кухню вплыла впечатляющих женских… э-э-э, достоинств брюнетка. Вся в красном, хоть зови быка и тореро. – Алина никогда особо умом не блистала, а теперь и последний потеряла после вашей ссоры.

– Вислава, ты же ее по голове ничем не била? – Из-за плеча брюнетки выглянула востроносая рыжуха в желтом костюме. – А то сама понимаешь, Доротка и предъявить может!

Так… это что еще за золотой состав «Виа Гры»? Интересно, а Меладзе будет?

Троица противно засмеялась, будто услышали шикарную шутку. Дорота побледнела, а Лешек как-то очень уж внимательно смотрел на горшок, который стоял на одном из кухонных шкафчиков. Что-то подсказало: еще немного, и горшок под его взглядом спикирует прямо на голову Вислявы. А труп на кухне – это неэстетично, непрактично и совершенно непедагогично.

Поэтому я очень аккуратно положила вилку рядом с блюдцем с вареньем. Потом допила кофе, аристократически оттопырив мизинчик.

– Ей хоть бы хны, Вислава, – хмыкнула брюнетка. – Думает о том, лишь бы пожрать. Смотри, не стань колобком, Алина.

Чашка молниеносно полетела в ее голову. Брюнетка взвизгнула и присела, утащив за собой рыжую. Осколки со звоном разлетелись по полу.

Повисла тишина. Вислава на меня смотрела во все глаза, Лешек был крайне озадачен, а Дорота разве что не перекрестилась. Бецик тоже замер, переводя взгляд с меня на разбитую чашку.

– Во-первых, к управляющей домом Каторжинских следует обращаться «пани Дорота». Хотя бы потому, что она старше и мудрее, – тихо начала я, жестко контролируя каждую эмоцию и следя за тем, чтобы мой голос не повышался. – Во-вторых, еще раз позволите подобные выражения в мой адрес, и встретитесь уже не с чашкой в полете, а кое с чем посерьезнее.

Ведьмы словно язык проглотили. В том, что это именно ведьмы, я теперь была уверена. Вспомнились слова Дороты про «сестриц желтоглазых». У всех действительно были глаза цвета солнечного янтаря. Камень красивый, а вот бабы – не очень.

– В-третьих, – продолжила я. – Как знаете, после некоего инцидента память у меня еще не восстановилась, поэтому не лишним будет, если вы представитесь.

Рыжая фыркнула, задрав нос. Господи, не нос, а утес. Что-то внешность у нее не ахти, хотя… может, она считает это изюминкой?

– Вот еще! – заявила она. – Делать больше нечего! Даже не стыдится своей ущербности!

– Анна.

Всего одно слово от Лешека, но рыжая резко заткнулась и опустила взгляд. Ага, еще одна жертва крепкого торса, тьфу, красивых глаз. Хотя, думаю, торс у него тоже ничего, судя по фигуре.

– Мы потом поговорим, – буркнула Вислава и быстро вышла из кухни.

За ней последовала Анна и брюнетка, напоследок криво усмехнувшись.

– Всегда поражался, – задумчиво произнес Бецик, – что не могу определиться, кто из них самая противная: Вислава, Анна или Надия?

– Как по мне, все сразу, – мрачно заметил Лешек, допивая кофе. – Алина, с чашкой ты хорошо сработала, молодец. Они настолько не ожидали, что даже не успели кинуть защитное заклинание.

«Ну и дуры», – подумала я, однако вслух выдала совсем другое:

– Так, серьезный вопрос.

Лешек и Дорота настороженно посмотрели на меня.

– Где здесь приличный магазин женской одежды?

Конечно, бороться с тремя драконами на каблуках – это прекрасно. Но прежде всего стоит раздобыть доспехи, в которых это будет удобно делать. Я сейчас не

могу воевать против всего мира, поэтому стоит хорошенько все обдумать.

Лешек вызвался отвезти меня. И пусть он был удивлен не меньше Дороты, кажется, мое желание заняться женским шмотовническим делом его прилично повеселило.

А вот Дорота поднялась за мной следом в комнату и молча наблюдала за попытками выбрать из гардероба что-то более-менее симпатичное. М-да, с таким же успехом можно попросить Виславу быть милой и ласковой, тьфу! Что ж ты за женщина была, Алина, что все так запущено?!

Нет, я не имею ничего против пацанского стиля или интеллигентной сдержанности. Но тут и правда катастрофа. Ощущение, что ей просто было все равно, что носить. Хотя нет… Все-равно-что, не привлекающее внимания.

– Алиночка, ты… сегодня такая храбрая, – наконец-то произнесла Дорота, глядя, как я отшвырнула очередную темно-серую юбку. – Эти змеи так просто не смолчат.

– Эти змеи тут на каких правах, кстати? – поинтересовалась я, рассматривая коричневое платье в клетку. Ну чуть лучше, чем остальное, надену это.

– Их пригласила Вислава. Вместе учились, потом проходили практику в Краковаре, провели ритуал единения кровью.

– Какая тетка – такие и подружки, – проворчала я. – Ладно, с ними я разберусь потом. Скажи мне вот что…

Дорота тем временем тихонько собирала разбросанные по комнате вещи.

В зеркале отражалась все та же мышиная ведьма, но вот в ее глазах уже появилось что-то такое, чего я раньше не замечала.

– Было у меня что-то с Лешеком?

Дорота выронила платья.

– Ой… Ну спросишь! Да как же!

– Что как же? – тут же насторожилась я.

– Сосед он наш, дружите же с детства, я тебе говорила. Очень хороший мальчик. – Она вздохнула и покачала головой. – Покойный пан Анджей все мечтал, чтобы вы поженились, только ты не смотрела на Лешека как на мужчину. Раз даже с отцом поругалась.

Так-так. Я задумалась. Не смотрела, значит… Возможно, Алина вздыхала по кому-то другому?

– Поняла, спасибо, – кивнула я. – И вот что. Мне нужны деньги. Где они?

Дорота моргнула, а потом неожиданно улыбнулась.

– Боже, Алиночка, наконец-то решила ими воспользоваться!

…В общем, Алина Альжбета Каторжинская была очень странной девушкой. Имея солидное состояние, она практически не пользовалась им. Нет, я против растрат, но чтобы совсем лишать себя всех удовольствий – это как-то странно. Ладно, когда человек стар, много видел и уже не радуется всей этой ерунде, но молодая девочка!

Местной валютой оказались злотиши – бумажные прямоугольники с красивейшим узором и изображением князей. Узор переливался самыми невероятными цветами, стоило только попасть на него солнечным лучам. Еще были монетки сребриши и бронзиши. Не запутаешься – уже хорошо.

Лешек ждал возле машины. Я снова невольно залюбовалась им, пусть пару секунд, но все же. Такой мужик – и не пришелся по вкусу! Или она совсем не разбирается в прекрасном, или же с ним что-то не так. Мерзавец? Кобель? Гей?

Ладно, разберемся.

Передо мной по-джентльменски открыли дверцу, я села и краем глаза заметила, как в окне на втором этаже появилась Вислава. Она прищурилась, в глазах

вспыхнуло пламя, а потом тонкой ручкой задернула штору, скрываясь из виду.

Тетушка. Кобр-а-а-а.

Вот уж свезло, так свезло.

– Куда поедем? – поинтересовался Лешек, уже заняв место водителя. Потом посмотрел на меня и осознал: – Ох да, прости. Тогда по-другому: что будем покупать первым делом?

– Одежду, – буркнула я. – Желательно, в магазине поприличнее, чтобы Вислава со змеюшками не клацали зубами.

– Змеюшки… – Лешек будто пробовал слово на вкус. – Мне нравится эта характеристика.

Заметив, что я не могу справиться с ремнем безопасности, подался ко мне. Жестковатые горячие пальцы легли на мои.

– Не так резко, Алин.

По рукам пробежала горячая волна, краска прилила к щекам. Нет, конечно, не от смущения. Просто что-то жарко стало. И от запаха лаванды голова немного закружилась.

Тихий щелчок, и Лешек взялся за руль. Ощутив легкое разочарование, что все так быстро закончилось, я уставилась на дорогу.

Итак, что мы имеем: новый мир, новую семью и отсутствие памяти. Хотя временами она пытается вернуться домой. А еще говорящую летучую мышь.

По-хорошему, стоило разбираться с тем, как я сюда попала и могу ли вернуться. Но… во-первых, не покидало чувство, что вернуться невозможно. Во-вторых, страдать некогда. В-третьих… Да, кому-то покажется поездка по магазинам несуразной глупостью, но именно во время шоппинга у меня мысли выстраиваются в нужном порядке.

И польза, и прелесть.

– За нами летит Бецик, – неожиданно сказал Лешек. – Мне оторваться или разрешим ему упасть на заднее сидение?

Я обернулась. И правда, фамильяр усердно махал крыльями позади.

– Возьмем, куда же его.

Лешек хмыкнул и притормозил.

Бецик самовольно с размаху бухнулся мне на колени. Довольно выдохнул, выставил пузо на солнышко и распластал крылья.

– Наха-а-ал, – прокомментировала я.

– Какая ведьма – такой фамильяр, – ни капли не смутился он. – И вообще, сколько можно ехать? Я уже готов подглядывать за тобой в раздевалке и озвучивать твоему другу!

– Бецик! – возмутилась я.

– А он у тебя хорош, – рассмеялся Лешек.

Я ткнула Бецика в бок, но тот только хрюкнул, делая вид, что здесь совершенно не при чем!

Лешек привез меня в роскошный магазин. Здесь было все. Очень приятные глазу модели, которые непременно хотелось примерить на себя. И платья, и юбки, и брюки. Блузки тоже были ничего, кстати. Глаза разбегались, душа жаждала чего-то женственного и уникального. Поэтому, набрав множество вещей, я быстро нырнула в примерочную.

Бецик, наглая морда, ни капли не смутился и последовал за мной. Сунул физиономию под штору и деловито наблюдал за тем, как я меряю наряды. При этом не забывал комментировать:

– Это хорошо. Это отлично. Фу, Алина, убери! Будешь как кузяк востроносый… И того хуже!

Не то чтобы я прислушивалась к каждому совету, но определенно Бецик не был обделен вкусом. Поэтому часть вещей я все же отложила.

– Вот теперь девушка как девушка, – заявил фамильяр, глядя на меня в новом зеленом платье, удивительно подчеркивавшем фигуру.

– А до этого мужик был, что ли? – поинтересовалась я, внимательно разглядывая себя в зеркале.

Бецик закатил глаза.

– Господи, с кем приходится общаться. Не говори глупости!

Я тихонько хихикнула, Бецик фыркнул и исчез. Вот же ж… Жизнь складывается удивительным образом. За тем, как я переодеваюсь, подглядывает здоровенная летучая мышь, а меня это ни капли не смущает.

Еще раз осмотрев отобранное, осталась довольна. Так, отлично, вот сразу можно переодеться в эту васильково-синюю юбку и миленькую белую блузку с вышивкой по плечам. Все лучше, чем наряд, в котором я сюда приехала.

Из-под шторы вылетела коробка. Я вскрикнула от неожиданности. Бецик засунул морду в примерочную.

– Надо взять эти кружевные чулки! – заявил он таким не терпящим возражений тоном, что я чуть не выронила только что поднятую коробку.

– За-зачем?

И правда чулки. Красивые такие, очень тонкая работа. Под такие надо еще пояс, резиночки и шикарный бюстгальтер. И все, все мужчины у твоих ног.

– Как зачем? – искренне изумился он. – Ты же девочка! Надо! К тому же скоро Выданье!

Выданье-то, конечно, Выданье. Но вот падать в чьи-то объятья или, наоборот, выпрыгивать оттуда, я пока не намерена.

– Нет, Бецик, я пока морально не готова, – сказала я и, чего уж там, с сожалением поставила коробочку на скамью.

Когда я вышла, фамильяр все же пробормотал под нос:

– А я бы все-таки взял эти кружевные чулочки.

Не став ничего говорить вредному мышу, я подошла к кассе. Только вот там меня огорошили:

– Все оплачено, панна Каторжинская.

– Простите? – переспросила я, понимая, что меня явно с кем-то перепутали. – Я только мерила вещи, никакого расчета не было. Наверно…

– Нет-нет, – продавец ослепительно улыбнулась. – Пан Скорбута велел списать средства со своего кристалла, пока вы были в примерочной.

Я моргнула, потом покосилась на Бецика. Тот прикинулся частью декора помещения.

Зараза.

Так, ладно. Устраивать скандал в магазине я не буду. А вот Лешек сейчас получит. Ничего не имею против, если мужчина хочет сделать подарок. Но это должен быть либо мой мужчина, либо тот, который им собирается стать. А так я вполне самостоятельная девушка, которая привыкла оплачивать собственные покупки.

– Где он? – поинтересовалась я, искренне надеясь, что в голосе не слышится кровожадность.

– На улице, – тут же последовал ответ.

Еще и взгляд такой… Мол, какое золото ей досталось, а она, дурочка, еще глазищами тут стреляет гневно.

Забрав пакеты, я гордо вышла из магазина. Лешек стоял возле автомобиля и листал темную книгу. Последняя немного напоминала мой гримуар, но при этом была какой-то облегченной версией. Больше походила на солидный ежедневник, да.

– Это что еще такое? – грозно спросила я, оказавшись рядом.

Лешек поднял взгляд, в зеленых глазах застыло немного странное и отсутствующее выражение. Потом моргнул, будто освобождаясь от мыслей, и наконец-то увидел меня.

– Это обновки из отличного магазина, Алина. А что?

– Почему ты рассчитался? – уперла я руки в боки.

Учитывая, что по-прежнему держала пакеты, со стороны это смотрелось крайне забавно. Однако я не собиралась упускать момент. Где поймала красивого мужчину, там и буду зажимать! В данном случае возле его шикарной машины.

– Потому что это правильно, – невозмутимо сказал Лешек. – Не хватало еще, чтобы моя подруга сама за себя платила.

После этого он мягко забрал у меня покупки и устроил их на заднем сиденье. Потом бросил на меня подозрительный взгляд.

– Алина, что-то не так?

С губ рвались гневные слова, и внутри все кипело от возмущения. Однако чудом мне удалось взять себя в руки.

– Почему я не могу заплатить за себя, Лешек?

Теперь пришла его очередь закипать от возмущения.

– Потому что я не беден! И могу сделать женщине приятное! И… и это принято, в конце концов! Как на меня потом будут смотреть окружающие?

– Глазами, – проворчала я, отодвигая его и садясь в машину.

Определенно тут какая-то культурная заморочка. Мне очень хочется поорать, чтобы не покушались на мою самостоятельность, но в то же время меня что-то останавливает. То ли воспоминания о местных обычаях стучатся в стеклянную преграду перед спящей памятью, то ли… есть что-то еще.

Лешек сел рядом. Воцарилась тишина. Наверно, именно сейчас стоило раз и навсегда разобраться, за что тут платят мужчины и что не должно бесить женщин.

Однако на глаза вдруг попалась вывеска «Пани Валевская», и я брякнула:

– Мне срочно туда надо.

Благо Лешек не задавал лишних вопросов. За что я ему была готова простить чуть больше, чем оплату моих платьишек и прочего дамского обмундирования. Потому что если бы он и попытался что-то уточнить, то я просто бы не смогла объяснить, почему с огромной силой меня тянет именно в этот магазинчик.

Меня молча подвезли к нужной двери. Я поймала Бецика за ухо.

– Ай! – возмутился он.

– Ты в ответе за Лешека. За мной не идти! Скоро буду.

С этими словами я молниеносно выскочила из машины и залетела в магазинчик. И тут же замерла соляной статуей, ибо меня со всех сторон окутало тонкими ароматами, и голова пошла кругом.

О-о-о, много ли вы способны отдать за потрясающие духи? Именно те, о которых мечтали всю жизнь? Чтобы невозможно оторваться, и хотелось дышать-дышать-дышать. Представили?

Так вот, возникло ощущение, что здесь собрались сразу все мои любимые ароматы. Потому сложно понять, что к чему, но так легко и сладко на душе.

Я осмотрелась по сторонам. Стеклянные витрины, где расставлены самые разнообразные флакончики и бутылочки. Мягкий свет, исходящий от подвешенных прямо в воздухе золотистых шаров.

Как зачарованная, я подошла к одному из них и коснулась пальцами. Коже тут же стало тепло и немного щекотно.

– Медовое золото из Варшавинцы, – из ниоткуда прозвучал низкий женский голос. – Его варят в специальных чанах, долго читают заклинания и ждут, когда первые лучи солнца приласкают смолистое вещество, напитав его светом.

Я невольно вздрогнула и посмотрела направо. Там, возле окна, увитого маленькими розочками и зеленью, стояла женщина. Не слишком высокая, почти как я ростом. Светло-русые локоны были уложены в высокую прическу. Изумительной красоты лицо, с мягкими, будто округленными, чертами. Бездонные, словно колодцы с темной водой, глаза. Пухлые губы и аккуратный маленький подбородок.

Изящная рука чуть отставлена в сторону, из зажатого в длинных пальцах мундштука с сигаретой вверх поднимается дым.

На женщине надеты черная блузка, приталенный бордовый пиджак, длинная юбка до щиколоток под цвет пиджака. Выглядывают острые носки туфелек.

Один из золотых шаров подплыл по воздуху к женщине и вдруг медленно начал крутиться вокруг своей оси. Исходящий от него свет отразился в крупном камне причудливой брошки, приколотой над грудью.

В голове вдруг стало тесно от множества мыслей. Каждая из них норовила превратиться в полноценный вопрос. Внезапно я четко осознала: женщина мне знакома. И магазин тоже. Я тут была много раз. И здесь всегда уютно и как-то… правильно.

– Да-а-а… – протянула она, оглядывая меня с ног до головы. – Перемены налицо. Хоть я и не думала, что все получится так быстро. Но ты молодец, смогла.

– Вы знаете? – спросила я резко охрипшим голосом. – Знаете, что со мной произошло?

Затяжка, взгляд, пауза. Пауза такая же тягучая и играющая золотом, как шары из Варшавицы. И грудь будто стискивает – не так просто сделать вдох.

– Как же не знать, милая, когда ты ко мне сама пришла за помощью.

Женщина сделала шаг ко мне, потом еще один. Не в силах отвести взгляд, я смотрела на нее. Она казалась идеальной: каждое движение, каждый локон, дымок от сигареты – и тот идеален. А еще от нее пахнет фиалками и ванилью. И похожа на статуэтку, так и хочется взять в руки.

В темных глазах ничего нельзя было прочесть.

И я сама не понимала, почему робею и не в состоянии спросить хоть что-то толковое. А стою только, разинув рот, и на этом и заканчиваются все мои достижения.

– Не помнишь… – с едва различимым сожалением сделала она вывод.

Я только отрицательно помотала головой.

Женщина сжала губы, но потом странно усмехнулась:

– Уж не знаю, радоваться или расстраиваться. И все у нас получилось, и в то же время потребуется много времени, чтобы восстановить потерянное.

– О чем? Пожалуйста, расскажите мне, – взмолилась я. – А то ничего не понятно…

Она уже раскрыла рот, чтобы ответить, но вдруг прислушалась.

– Ты не одна?

– Нет, там мой… сосед, Лешек. И фамильяр.

– Придешь сегодня в девять вечера, – не терпящим возражений тоном сказала она. – А пока…

Женщина быстро подошла к одной из витрин, достала несколько флакончиков и отдала мне.

– Бери, прекрасные ароматы. Все остальное – потом. И помни, никто не должен знать, что ты придешь ко мне.

Рукав пиджака соскользнул ниже, и я увидела изящный золотой браслет, на котором было выгравировано «Мария Валевская».

– Иди, Алина, я буду ждать.

Темные глаза сверкнули, неведомая сила развернула меня к выходу. Ноги сами пошли, попытка обернуться не удалась. Но даже покидая магазинчик, я чувствовала взгляд его странной хозяйки.

После шаров с медовым золотом солнечные лучи показались нереально яркими. Я даже зажмурилась. Да уж, вот тебе и зашла. Загадок стало только больше.

Меня невозмутимо подхватили под локоть и увели к машине.

– Ты сама на себя не похожа, – мрачно заметил Лешек, переведя взгляд с моего лица на флакончики духов. – Что произошло?

– Очумела в царстве ароматов, – неуклюже отшутилась я.

Зеленые глаза чуть прищурились. Не верит. Ладно, пойдем другим способом. О!

– Лешек, а тебе рыжие нравятся?

– Рыжие? – оторопел он, явно не ожидав такого поворота. – Ну… да. А что?

Глава 4. Первый жених… пошел!

Конечно, можно было придумать что-то попроще, чтобы переключить внимание Лешека с моего посещения магазинчика, но умная мысля приходит опосля.

Поэтому ничего не оставалось, как невозмутимо отдаться в руки мастериц и велеть выкрасить себя в огненно-рыжий цвет. С одной стороны, это прежний цвет моих волос, с которым привычно и хорошо, с другой… Вислава хлопнется в обморок от неожиданности. И это замечательно!

На все ушло часа два, при этом парикмахерша оказалась премилой девочкой и все щебетала, что использовала и лучшие отвары для ополаскивания, и закрепляющее цвет зелье.

– Продержится год, а то и дольше, вот увидите. Я закончила курсы в Краковаре. А еще вам с собой заверну бутылочки с бальзамом. Мы его сами варим для наших клиентов.

С собой, так с собой. Уже не первое заведение, откуда я выйду с полными руками.

В этот раз расплатившись самостоятельно, я вышла уже куда бодрее, чем от пани Валевской.

Так, где там припарковался мой замечательный сосед?

В голову вдруг закралась совершенно неразумная и непрактичная мысль. А что если все же позвать его как-то на чай? Ну там… чисто по-соседски, ничего такого.

«Алина, думай о насущном, – тут же возмутился внутренний голос. – Ты в полной, кхм, пятой точке, а думаешь о симпатичном мужчине!».

М-да, что есть, то есть.

В этот момент я увидела, что черный кабриолет стоит недалеко от парикмахерской, просто надо немножко пройти.

Лешек листал свой ежедневник и что-то говорил парящему рядом Бецику. Кстати… это же чудовище летучее должно днем спать. По логике. Правда… он все же не совсем натуральная летучая мышь. Может, фамильярам положить на время суток? Надо разобраться.

Машина была развернута к парикмахерской так, что они меня не видели. Поэтому, тихо приблизившись, я услышала обрывок фразы:

– Пока она не видела, я все-таки взял эти кружевные чулочки! Ты не представляешь, сколько труда…

Лешек усмехнулся и встретился со мной взглядом. Зеленые глаза ошарашенно округлились. Ему уже было все равно, что болтал Бецик. И что рядом проезжает еще кто-то. Все внимание перенеслось на меня.

– Алина? – хрипло сказал он.

– Где? – подпрыгнул Бецик. Потом обернулся и заорал: – А-а-а-а!

– А вы ценители женской красоты, мальчики, – фыркнула я, снова занимая свое место. – А чулочки будешь сам носить, понял?

Бецик сглотнул и тут же спрятался под сиденьем. Видимо, решил, что так безопаснее. Лешека это не смутило, но он рассматривал меня так, словно впервые увидел.

Я повернула к нему голову.

– И? – спросила с намеком.

Нет, безобразие какое-то. На работе вечно мужская часть коллектива приходила в восторг от моей пламенной шевелюры, а тут… Прямо обидно.

– Тебе идет, – сказал он совершенно серьезно. А еще посмотрел так, что сердце почему-то пропустило удар.

– Спасибо, – буркнула я.

Со стороны казалось, что недовольно, но на самом деле немного смущенно. Потому что комплименты так не делают. И не смотрят так, будто вдруг разглядели что-то безумно важное.

Лешек чуть нахмурился, но больше ничего не говорил. Домой мы доехали в молчании. Даже неугомонный фамильяр мудро помалкивал.

И только когда вышли, Лешек все же забрал все мои пакеты, не дав утащить награбленное, тьфу, накупленное самостоятельно.

Уже стоя возле двери, я брякнула совершенную глупость:

– Зайдешь?

Во-первых, он и без этого собирался зайти, чтобы занести вещи. Во-вторых, как-то и не особо и смущался. С прежней Алиной явно был если не в близких отношениях, то в крепких дружеских, потому и спокойно входил в дом. Без лишних приглашений.

Тем не менее подкалывать или говорить что-то ехидное не стал. Просто кивнул.

Мне стало неловко. Спешно распахнув дверь, я вошла в коридор. Тьма тут же рассеялась светом. Я моргнула, не поняв откуда он, ведь я еще не успела ничего включить. Повертела головой и заметила, как в зеркале отразилась… свеча. Так-так, а это еще что?

Из гостиной вдруг донесся взрыв хохота. Ага, Вислава ржет аки лошадь. И сестрички, судя по всему, ей помогают.

– И вот так, прекрасные пани, оно и было на самом деле, – произнес чей-то бархатистый баритон. – Клянусь угольными артефактами моего дражайшего

предка.

– Ох, Алиночка… – Дорота выскочила из кухни. – Тут жених пришел, а вы… Ой!

Последнее было явно связано с тем, что она разглядела мои волосы и одежду.

Лешек оказался рядом и успел поддержать ее, не дав осесть.

– Вам плохо? – обеспокоилась я, закусив губу.

Может быть, тут нельзя красить волосы ведьмам на выданье? Или еще что…

– Нет-нет, – мотнула головой Дорота. – Порядок. – Потом распрямила плечи и аккуратно высвободила свой локоть из пальцев Лешека. – Просто я не ожидала. Но ты выглядишь просто волшебно, милая.

А потом вдруг подошла ко мне и крепко обняла, как потерянную и вновь обретенную родственницу. Я охнула от неожиданности, не ожидав такого проявления чувств.

– Пустецкий с вами, прекрасные пани. Что это еще такое видят мои глаза? Почему мою невесту уже кто-то обнимает? – жестко прозвучал ранее слышанный мною голос.

А я и не сразу поняла, что в коридоре мы не втроем, а вчетвером.

И этот четвертый стоял в дверном проеме. Высокий, широкоплечий, в черной одежде. Вроде бы и ничего такого, а чувствуется, что все шила мастерица своего дела.

Ему где-то под сорок лет. Кожа бледная, а волосы чернее угля. И глаза такие же, смотришь – и будто падаешь куда-то в бездонный колодец, из которого уже никогда не суждено выбраться.

Высокий лоб, нос с горбинкой, короткая черная борода, будто только что вышел из барбершопа. Она, кстати, лишь частично скрывает косой белый шрам, пересекающий щеку.

Я вижу этого человека в первый раз, а уже хочется вцепиться в Дороту и сказать: «Дядечка, вы меня с кем-то перепутали, я вообще девочка-одуванчик, прыгала на батуте и потерялась».

Вислава выглянула из-за плеча незнакомца. Глаза тетушки тут же округлились, уподобившись блюдцам из магазина китайской посуды.

– Ох…

По восклицанию было сложно понять, что именно она думает о переменах, но впечатлилась однозначно. Однако тут же очнулась и сладенько прокомментировала:

– Ох, пан Марк, это не кто-то, это всего лишь наша домоправительница, не обращайте внимания.

Дорота отошла от меня, немного смутившись. Лешек молча смотрел на «жениха» и, как назло, ничего не говорил. Стоп. Какого еще жениха?

Уж Бецик-то сказал бы, что у меня таковой в наличии. А так была речь только про Выданье.

– Пан Марк, – произнесла я ледяным тоном, стараясь, чтобы не дрогнул ни единый мускул на лице. – А это моя, к-сожалению-родственница, тетушка Вислава, которая порой непростительно груба. Не обращайте внимания.

Снова повисла тишина. Ух, как исказилось лицо Вислявы! Так бы и вцепилась в мои свежевыкрашенные локоны! Только вот перед ней Марк, а рядом со мной – Лешек.

Пафосно вздернув нос, она гордо направилась к выходу. Правда, при этом подцепила Лешека за рукав, проворковав:

– Пан Скорбута, разрешите с вами перемолвиться парой слов.

И он пошел!

Внутри вспыхнуло что-то похожее на ревность. Как? Куда? Зачем? Малыш, я же лучше собаки, тьфу, Вислявы!

Но в это время Марк оказался рядом и, подхватив меня под руку, увел в гостиную. При этом… уверенно так. Даже если захочешь, то не вырвешься.

Я невольно струхнула, но улыбнулась. Искренне надеясь, что все же улыбка похожа на улыбку, а не паралитическое подергивание губ.

От Марка буквально исходила опасность. Так лань понимает, что перед ней лев.

– Потрясающе выглядите, Алина, – сообщил он, внимательно оглядывая меня. – Потрясающий оттенок. Я рад, что вы решили подчиняться всем моим желаниям.

Э… Нет, дорогой лев, ты не учел, что лань поменяли на козу. И пусть это не львица, но мало не покажется.

– Видите ли, Марк… – Я поймала момент и мягко высвободилась из его пальцев. – Моя родственница, должно быть, уже сообщила вам крайне прискорбную весть: со вчерашнего дня я потеряла память. Поэтому никак не могу сказать: подчиняюсь вам или собственным желаниям.

Он нахмурился, сложил руки на груди. То ли случайно, то ли намеренно закрывая проход, дабы я не могла прошмыгнуть обратно.

Я не особо расстроилась, потому что рядом была чудесная ваза с розочками, которая при надобности могла превратиться в прекрасный метательный снаряд.

– Алина, прошу прекратить смотреть на вазу и присесть, – произнес Марк с едва скрываемой иронией. – Нам есть о чем поговорить.

– К вашим услугам, – улыбнулась я, еле сдержавшись, чтобы не сделать реверанс.

Если он умеет говорить и слышать, что говорят ему, то это положительно. Жених мне сейчас определенно не нужен.

Мы сели напротив друг друга. Марк на диван, я – в кресло. Краем глаза заметила, что Бецик заглядывает в окно и прикладывает ухо к стеклу. М-да, шпион восьмидесятого левела.

– Итак, Алина, – начал Марк, глядя на меня. – Что вы помните последнее?

– Ничего, – ответила я чистую правду. – Все мои воспоминания спрятаны где-то очень глубоко.

Конечно, Дорота могла по какой-то причине умолчать о женихе, а Бецик не успеть рассказать. Но… Вислава бы вряд ли смолчала. Или мы обручились тайно? Но если тайно, то смысл тогда ему во всеуслышание это объявлять?

– Что сказал лекарь?

Я пожала плечами:

– Нужно время.

– И все? – приподнял бровь Марк, потом постучал ногтями по подлокотнику дивана. На среднем пальце сверкнул платиновый перстень с крупным черным камнем, таким же, как глаза его владельца.

– Все, – кивнула я. – А теперь давайте к делу. И было бы неплохо, чтобы вы представились еще раз. Вы уж не держите зла, мы, девушки со склерозом, такие. Сначала ничего, а потом – бах! – и все.

Несколько секунд он смотрел на меня так, будто я начала тараторить на языке финно-угорской группы. Недоверие, непонимание… Но в то же время я не врала, это было заметно.

– Что ж… – Марк откинулся на спинку дивана, сцепил пальцы в замок.

Я невольно залюбовалась: какие красивые руки. Нет, это не мой фетиш, но когда красиво, как не заметить? Хотя я больше люблю, когда мужские руки заняты делом, а не красуются просто так.

– Меня зовут Марк Горневич. В моих владениях все Силезианские шахты, где занимаются добычей угля и руды. Князь Шлях-Успенский благоволит к роду Горневичей за преданность и добрую службу. Я к вам сватался, Алина, месяц назад. Вы изначально сказали, что не можете дать ответ. Но три дня назад мне пришло от вас письмо, где вы сообщили, что согласны выйти за меня замуж.

Чудесно. Замечательно. Великолепно.

Алина, хозяйка тела и нерадивая ведьма, которая что-то такое начудила, что я оказалась на твоем месте, что ты, зараза, сделала?

Соображалось весьма туго. Я в упор не представляла, что делать дальше. Невольно кинула взгляд в сторону, узрела Бецика, который усиленно махал крыльями. Это он на что-то намекает или просто ветер поднялся?

– Алина Каторжинская, рада познакомиться, – буркнула я, чтобы хоть как-то заполнить возникшую тишину.

Марк ничего не сказал, но по глазам было видно: «Это и все?»

Все. А на что ты рассчитывал? Девушки после потери памяти вообще не очень горят желанием заводить новые отношения. Даже если до этого последние новыми не были.

Он молчал, но меня это начало нервировать. Ибо если мужчина молчит, то не факт, что он не раздумывает, как бы тебя придушить. Про женщин не говорю, те точно раздумывают.

– Пан Горневич, – мягко начала я, – скажите, а в письме не было указано, почему я соглашаюсь? Возможно, какие-то доводы или аргументы?

– Нет, – разбил все мои надежды на мелкие кусочки Марк. – В письме было сказано, что все детали будут изложены при встрече, так как это не для переписки.

Шах и мат. Черт бы тебя побрал, мышиная ведьма! Нельзя было оставить хоть какую-то подсказку?

Молчание затягивалось, я действительно не представляла, что делать.

– Кхм… Ну вы же понимаете, что все сложно. Наверно, я… в общем…

Марк резко встал и в считанные мгновения оказался возле меня, упершись ладонями в кресло, аккурат на уровне моих плеч. Склонился так, что я невольно вжалась в спинку.

Ноздри уловили тонкий аромат сандала и табака. В черных глазах не было и намека на понимание или мягкость. Марк Горневич был взбешен, и это было видно невооруженным глазом. Он сдерживался только чудом.

Я сильно пожалела, что ваза далеко. И блюдо с персиками и яблоками тоже очень далеко.

– То есть… – хрипло выдохнул он мне на ухо, от чего по телу пробежала дрожь, – меня просят бросить все и немедленно примчаться, ибо дело не терпит отлагательств. Я чуть ли не срываю контракт с подземными кланами, перекладываю все на ветхие плечи Пустецкого, оставляя дела, и срываюсь сюда. А когда оказываюсь тут, то со мной не просто не готовы говорить, меня вообще не узнают.

Голова начала кружиться. Это все бездонные черные глаза, в них просто падаешь, теряя опору. Одновременно хочется кричать и навек потерять голос.

– Алина, вы же знаете, что со мной играть опасно… – Его губы практически уже касались моих собственных, от дыхания кровь превращалась в раскаленную лаву.

Исчезли все барьеры, принципы, противоречия. Появилось только одно желание – прижаться к этим губам и целовать, пока…

– Такое бывает, пан Горневич, – раздался голос Лешека, вмиг отрезвляя. – Пожалуйста, не пугайте девушку, ей довелось пережить очень малоприятные вещи.

Марк, кажется, ругнулся каким-то шипящим словом, больше похожим на шорох угля в печи, чем на то, что может исторгнуть человеческое горло. Потом медленно выпрямился и сделал шаг назад, развернулся и смерил Лешека взглядом.

Будь на месте моего соседа кто-то повпечатлительнее, то уже бы шлепнулся в обморок. Но Лешек спокойно все выдержал, а потом посмотрел на меня. Ни единого слова, но я каким-то образом поняла, что если я только намекну, то пану Горневичу очень быстро объяснят, что приличные мужчины так не ведут себя со склерозными девушками. Тьфу, потерявшими память.

– Что-то мне нехорошо, – пробормотала я, – пан Горневич, мы с вами продолжим разговор в другой раз. Лешек, будьте любезны, помогите дойти до моей комнаты.

Как по волшебству тут же появилась Дорота, которая спешно увела Марка из гостиной. И достаточно было одного его взгляда, от которого по спине пробежали ледяные мурашки.

Лешек с беспокойством смотрел на меня.

– Ты вообще идти сможешь?

Смогу, милый, смогу. От воспаления хитрости ноги не отказывают. Хотя до сих пор еще некомфортно от действий господина Горневича. Ох, не к добру это. И вообще, это желание поцеловать… гипноз? Или тоже ведьмак?

Я дошла, опираясь на руку Лешека, старательно пошатываясь и замедляя шаг. Было видно, что он готов в любую секунду подхватить меня на руки, но это пока чересчур.

Оказавшись в комнате, а потом на кровати, я спросила совсем не то, что собиралась:

– А что хотела Вислава?

Лешек озадачился, но потом улыбнулся:

– Ничего такого, спрашивала, не совсем ли я рехнулся: кататься по городу с невестой самого пана Горневича?

Я моргнула:

– А ты?

– А я сказал, что если совать свой длинный нос в чужие дела, то можно остаться вовсе без носа.

С губ невольно сорвался смешок. Любопытной Варваре на базаре нос оторвали. Мир другой, а люди те же.

Я даже приподнялась на локтях, внимательно посмотрела на Лешека. Закусила губу, раздумывая над крутившимся в голове вопросом.

– Алина? – В зеленых глазах снова появилось беспокойство. – Позвать лекаря?

– Нет, – мотнула головой. – Слушай, а я действительно невеста Горневича?

– Нет, Алина. Нет.

* * *

– Кудри вьются, кудри вьются у… ледей, – бормотала я, накручивая волосы перед зеркалом. – Почему они не вьются у порядочных людей? Потому что у ледей деньги есть на бигудей. И они их получают от порядочных людей.

– Алина, если решишь податься в поэтессы, то, кузяк тебя забери! Умоляю, не надо! – мрачно заметил Бецик, деловито расхаживая по кровати.

В жизни каждой девушки должны случиться тряпочки для локонов. Бигуди – это сурово. А тряпочки – мягко. И если вы не крутили на них волосы, то… о чем вообще можно с вами говорит?

Прямые волосы после привычных веселых пружинок меня удручали. Поэтому чтобы немного отвлечься и заодно подготовиться к встрече с пани Валевской, я занялась наведением марафета. А стишок… стишок вспомнился сам, правда, оригинал был куда более неприличным.

А Бецик тем временем читал мне лекции о богатых женихах Речи Шветной.

– Так вот, Марк Горневич очень важная персона. Его состояние оценивается в несколько миллионов злотишей. Но при этом он ни разу не был женат. Потому что сначала было не до этого, а потом… В общем, он такой…

– Козел? – с готовностью подсказала я, поворачиваясь к фамильяру.

Бецик задумался:

– Да не то чтобы, но вот как тебе сказать… Нечто козлиное в его замашках есть. Мягкий человек не удержит в своей власти Пустецкого и не сумеет столько лет вести торговлю с подземными кланами.

– Кто такой Пустецкий? – сорвался вопрос.

Бецик покосился на меня:

– Дух шахт и штолен, он своеобразный проводник между людьми и теми, кто никогда не выходил на свет солнца.

Почему-то не очень-то захотелось спрашивать, кто это такие. Хватит с меня ведьм и говорящих мышей, пусть и летучих.

– А… – начала было, но резко захлопнула рот. Снова глянула на себя в зеркало.

Нет, так определенно лучше. Еще немного поработать с косметикой и будет вполне ничего. Не всем быть красавицами, можно быть и хорошенькими. Симпатичное лицо уже полдела, правда-правда. Потому что для остального мудрые люди придумали одежду.

– Да-да? – отозвался Бецик, задумчиво ковыряя лапой цветочек на моем новом шарфе.

– Не порть! – возмутилась я.

– Бе-бе-бе.

– Я тебе сейчас!

Бецик мудро отлетел в сторону, решив, что спорить с разъяренной женщиной в тряпочных бигуди себе дороже.

– Что ты хотела?

– Скажи, зачем такому богатому и видному Горневичу блеклая Алина?

– Сила, – без промедления ответил он. – Ну и невинность. Значит, наследники будут точно его. И обладать хорошим даром. Это немаловажно. Пусть он намного богаче Каторжинских, но твой покойный отец был на очень хорошем счету у самого Князя Претемных. Ну и… будем откровенны, блеклая девица не должна бегать налево и перечить мужу.

Я чуть не запустила в фамильяра одним из флакончиков, полученных от пани Валевской. Но вовремя сдержалась, вспомнив, что сама задала вопрос.

– То есть, этакий домашний тиран?

Бецик опустился на стол, задумчиво прошелся.

– Ну прям так сказать не могу, он мне не предлагал замуж. Но вряд ли там внутри него живет пушистая кися.

– Если внутри вас кто-то живет, то надо быстрее пить глистогонное, – проворчала я, подходя к фамильяру.

Он даже не успел заподозрить ничего плохого, как его сгребли в охапку.

– Ты чего? – заверещал Бецик, тут же умолк, увидев мои страшные глаза.

– Тихо, слушай внимательно. Ты мне нужен.

Мыш был не в восторге, но в красных глазах тут же появилось понимание. Кажется, авантюры он всегда одобрял. Всегда? Воспоминания, вы ли это?

– Сегодня, пока вы с Лешеком обсуждали чулки, я была в магазине пани Валевской. Она велела мне вечером прийти к ней, обещала, что даст ответы на многие загадки.

Бецик чуть нахмурился, попытался пискнуть, но я ему зажала рот.

– Сказала, что никто не должен знать о моем визите. Но сам понимаешь, в одиночку я туда не полезу. И в то же время не рискну позвать кого-то из людей. Поэтому ты будешь моими ушами и залогом безопасности.

– Каким образом? Ужас! Ты в своем уме?!

– Тихо! – шикнула я. – Поори еще, чтобы все сбежались! Если что – полетишь звать на помощь.

– А если она поймет, что ты не одна?

– Скажу, что ведьма и фамильяр – одно целое!

Бецик озадаченно моргнул. Кажется, о таком тут никто не задумывался. Но так как не начал орать, что я сумасшедшая, то, значит, это вполне вероятно.

…Пока я собиралась, он молчал. И когда, открыв окно, вылезала из него, чтобы спуститься по водосточной трубе. Выходить через главный вход я не решилась, ибо не хватало еще наткнуться на Дороту или Виславу с ее «Виа Грой».

Стоило только оказаться на твердой земле, я с облегчением выдохнула. А потом быстрым шагом направилась к выходу.

Серьезно опасалась, что тут может быть какая-то система слежения или, хуже того, заклятия по местным обычаям, которые не дадут уйти.

Но нет, слава богу, все хорошо.

Выйдя на улицу через черный ход, я далеко не сразу осознала, что действовала автоматически. То есть, прекрасно знала, куда надо идти. Любопытно. Получается, Алина хорошо знала этот путь. Часто сбегала? Или что?

Пересекая выложенную брусчаткой улочку, я резко остановилась.

Только сейчас дошло, что в последний момент перед тем, как покинуть темную комнату, я заметила вспыхнувшие в зеркале огоньки. Только вот отражаться им было совершенно не от чего.

Глава 5. Пани Валевская

Что сказать про вечерний Львовиш?

Он был прекрасен. Фонарщики зажигали фонари, горожане прогуливались по старинным улицам. Из кофеен и кондитерских доносился изумительный аромат кофе и шоколада.

Золотистый свет заполнял все вокруг, придавая домам какой-то особенный шарм. Я шла, едва ли не с раскрытым ртом рассматривая все вокруг.

Вот аптека, где из поколения в поколение изготавливают лекарства, зелья и, если верить вывеске, то могут вернуть и молодость. Вот фонтан с Посейдоном, опирающимся на трезубец и важно взирающим на проходящих мимо людей. А чуть дальше – милый паровозик, который стоит возле магазина сладостей «Свитотч». Если не ошибаюсь, на нем можно прокатиться по городу, а забавный полненький человечек в красной форме будет рассказывать в это время о достопримечательностях города. Вместо колес у паровоза танцует мягкое золотистое пламя.

А еще с каждым шагом я понимала, что чувствую себя здесь как дома. И это было так… здорово.

Пани Валевская уже ждала меня. Оказалось, что магазинчик расположен и на первом, и на втором этажах. Хозяйка провела меня на уютный балкончик, увитый розами. Круглый столик, на котором стояли кофейник и две чашки, невольно привлек внимание. Помню… Я за ним уже сидела. И пила прекрасный крепкий кофе без сахара, закусывая тафлями из молочного шоколада. Тафли – это тоже шоколад, но попробовать его можно только во Львовише. Дул прохладный ветерок, и розы пахли так, что голова шла кругом.

Я моргнула, отгоняя наваждение.

– Смелее, моя дорогая. Присаживайся.

Я опустилась на стул, осмотрелась. Вещей минимум, но все равно есть ощущение какого-то уюта. А еще я искренне надеюсь, что Бецик спрятался где-то на карнизе и будет внимать каждому сказанному тут слову.

– Почему такая тайна, пани Валевская? – осторожно поинтересовалась я, стараясь не думать, что от аромата кофе и роз хочется прикрыть глаза и расслабленно откинуться на спинку. А потом просто смотреть на площадь с зажженными фонарями и прогуливающимися парами.

– Мария, – вдруг мягко поправила она, усаживаясь напротив. – Потому что, Алина, ты сама так захотела.

Сундучок с секретами эта Алина, а не девушка. Ладно, будем разбираться.

Мария тем временем взяла кофейник. Задумчиво посмотрела на меня, чуть улыбнулась:

– Покрепче и без сахара?

Я машинально кивнула. Люблю черный кофе, такой, чтобы аж горчило. Потому что его так замечательно закусывать чем-то воздушным, сливочным, сахарным. Или же шоколадным и трюфельным.

– Вкусы у тебя не поменялись, – заметила она, наливая кофе. – Ну же, не стесняйся, задавай вопросы.

Их было так много, что сразу даже было неясно, за какой ухватиться первым. Поэтому, молча взяв фарфоровую чашечку, я сделала глоток. М-м-м, божественно.

И вместе с этим будто открылась какая-то потайная дверца к спрятанным воспоминаниям. Я вдруг осознала, что меня и на самом деле зовут Алина Каторжинская, только я никакая не ведьма и не наследница состояния в сто тысяч злотишей. А обычная девушка из города Херсон, который находится на юге Украины. Там нет ни волшебства, ни машин с огнем вместо колес, ни говорящих летучих мышей. Кстати, о машинах…

Незнакомец в темном костюме, кулон в виде мышки и автомобиль, который меня сбил. Чашка чуть не выпала из моих пальцев. Но тут же вихрь из сиреневых огоньков закружился вокруг нее, не давая упасть.

Сердце застучало как бешеное, пальцы заледенели. Я зажмурилась. В один миг нахлынуло столько эмоций, что одновременно хотелось плакать и смеяться. Я… умерла. Но в то же время жива. Я потеряла все, что имела. Но в то же время есть те, кто не хочет меня терять.

Хорошо это? или плохо? Не знаю, мамочки…

– Тише-тише… – Мария оказалась рядом, мягко приобняла меня, обдав фиалковым ароматом. – Это сложно принять, милая, но думать и страдать будешь потом. Сейчас нужно решить очень важные вопросы.

– Вопросы, – эхом отозвалась я. – О чем вы говорите? Я только сейчас осознала, что умерла сутки назад! Или не сутки…

– Глупости! – тут же уверенно заявила она, заставляя обхватить чашку ладонями. – Ты дышишь, ты разговариваешь, ты пьешь чудесный кофе. Разве может таким заниматься мертвец?

Замечание было здравым. Правда, чтобы осознать его нужно было время. Это вам не прическу сменить и стиль одежды. Это…

Я принюхалась. От кофе пахло чем-то травяным. Подняла вопросительный взгляд на Марию, та улыбнулась.

– Я добавила бальзам. Пей. Успокоишься и будешь спокойнее воспринимать все, что я скажу.

– Что это за бальзам? – подозрительно поинтересовалась я.

Однако потом решила, что хуже не будет и попробовала. По гортани тут же растеклось тепло, а способность мыслить стала куда четче.

– На травах, мой личный, – хмыкнула Мария. – Видишь ли, так получилось, что я не только парфюмер, но и прекрасный зельевар. Ты… точнее, Алина Каторжинская об этом знала. И однажды, переступив порог этого магазина, просто сказала…

* * *

– Помогите мне.

Мария оторвалась от изучения списка ингредиентов для нового аромата и с изумлением посмотрела на внезапную гостью.

Худенькая, серенькая, с бесцветным взглядом и упрямо сжатыми губами. Мария никогда не рисовала, но почему-то именно в этот момент захотелось взять лучшие краски из соседнего магазинчика и разрисовать девчонку.

Так хоть бы смотреть стало приятно, а то… Ощущение, что вся ведьмовская сила куда-то вышла в распахнутую дверцу, оставив пустую оболочку.

– Конечно, панна, – тем не менее ответила Мария и указала жестом на стеклянные витрины. – К вашим услугам все ароматы «Пани Валевская». Если не сможете подобрать что-то по душе, то мы можем смешать нечто

индивидуальное.

Девчонка закусила губу, потом мотнула головой. Пепельная прядь выбилась из собранных в пучок волос.

– Нет, я имею в виду не духи. Мне нужна ваша помощь как зельевара, пани Валевская. Те самые умения, из-за которых вы покинули сначала Краковар и переехали в Паруж.

Кровь отхлынула от лица Марии, спина против воли натянулась струной. Мало кто знал, почему Мария Валевская, в девичестве Лончинская, после гибели собственного поместья спешно покинула княжеский Краковар и переехала в Паруж, столицу Франсаи. Несмотря на то, что она по-прежнему была подданной Речи Шветной, франсаянский император смог дать ей свое покровительство.

Однако… все хорошее заканчивается, и со временем Марии пришлось переехать во Львовиш. При этом она тщательно скрывала свою тайну. И тут какая-то серая девчонка вдруг выдает подобное.

Та, видимо, все поняла, потому что тут же сказала:

– Меня зовут Алина Альжбета Каторжинская. Я знаю о вас очень многое, пани Валевская. Но использовать хочу не для того, чтобы подавать обличающие письма Князю Претемных, а для того, чтобы решить один вопрос. Я заплачу ту цену, которую вы назовете. Только помогите.

В желто-зеленых глазах была просьба… нет, мольба. Алина держалась неплохо, но именно в ту секунду Мария поняла, что это все всего лишь маска. У панны Каторжинской и правда случилось нечто такое, что заставило прийти сюда.

Мария не хотела вспоминать прошлое, но ее сердце никогда не было черствым. Поэтому она молча кивнула и щелкнула пальцами. Дверь в магазин закрылась сама, отрезая их от шумной улицы.

– Слушаю вас, панна Каторжинская. Только не просите невозможного. Да и против закона я не пойду, не просите.

– О нет… – Алина сцепила руки так, что побелели костяшки пальцев. Но от Марии не ускользнуло, что лицо девчонки осветилось надеждой. – Ни в коем случае. Все это касается исключительно меня.

Мария не перебивала. Лишь достала мундштук и тоненькую сигарету. В неопределенных ситуациях всегда хотелось курить. Нечто легкое, мятное или яблочное, глупая привычка, привезенная из Паружа вместе с разбитым сердцем.

Алина заняла место напротив, здесь специально стоял изящный стульчик для клиенток, которые приходили не только покупать, но и наслаждаться.

– Пани Валевская, понимаете, – начала Алина, почему-то опустив глаза, словно смелость ее покинула, – мой отец, Анджей Каторжинский, был сильным ведьмаком. Но он пропал несколько лет назад и негласно признан мертвым.

– Но вы в это не верите? – поинтересовалась Мария, выпуская струю дыма.

Сейчас она припоминала пана Анджея. Красивый и статный мужчина не старше сорока пяти лет. Именно, что – красивый. В кого удалась дочь – загадка. Неужто настолько никакая была мать девочки?

Пришлось тут же одернуть себя. Какая разница? Это личное дело Каторжинских.

– Не знаю, – тихо произнесла Алина. – Я верю, что он нашел бы любой способ известить меня, что жив. Но… время идет, а весточки все нет. – Она стиснула зубы, упрямо посмотрела на Марию. – Собственно, поэтому я здесь.

Та не произнесла ни слова, ожидая продолжения рассказа. Пока ничего не понять, хоть Анджея и жаль. Однако в данный момент совсем не ясно, каким образом она сможет помочь Алине. Оживлять мертвецов пани Валевская не умеет. Другое дело – умертвить живых.

Алине явно было уже неуютно, но она твердо решила продолжать:

– Пани Валевская, моя жизнь невыносима. Сестра отца, моя родная тетка, ненавидит меня и только и думает о том, как остаться единственной наследницей всего состояния. Скоро будут Дзяды, мне двадцать три года, и в

этот раз никак не избежать Выданья. Женихи уже начинают приезжать к нам.

– И? – Мария приподняла брови. – Все так плохи?

Алина не ответила, но по лицу девушки стало все ясно. Что ж, это не секрет, нередко Выданье – это браки по расчету. Все хотят получить благословение от Князя Претемных, самого Вацлава Шлях-Успенского, которое усилит силу рода. Девушек выбирают по дару и влиянию рода, ни о какой любви тут речи не идет. Хотя, конечно… порой случаются исключения.

– Все хуже тетки? – все же уточнила она.

– Хуже, – коротко кивнула Алина. – Тетка просто думает, как убрать с пути, а те еще затребуют наследника. К тому же знаю, что почти у всех есть любовницы. Я не нужна как жена, только как инструмент получить благословение. И, знаете, есть еще кое-что… дар уже год, как меня не слушается. С каждым днем происходит жуткое угасание, я уже почти не могу колдовать. И вы пока первая, кто об этом узнал.

Мария некоторое время молчала. И курила.

Сказанное заставило задуматься. Может быть, со стороны все кажется не так уж плохо, но потеря дара – это самое страшное, что может произойти с ведьмой. Потому что для врагов она станет слабее котенка. Есть те ведьмы, которые не упустят возможность, полакомиться ослабленной товаркой, забрав себе ее душу. Или что похуже…

Валевскую девушка не боялась хотя бы потому, что та была только зельеваром, пусть и необычным.

Поэтому, когда молчание затянулось, Мария не выдержала:

– И что мне нужно сделать?

Ответ Алины лишил дара речи:

– Убить меня.

Мария поперхнулась дымом и закашлялась. Понадобилось некоторое время, чтобы осознать сказанное.

– Простите?

– Убить меня, – как ни в чем не бывало повторила та. – Не смотрите так, пожалуйста, это не такая уж и дикая просьба. Дайте объяснить.

Мария уже хотела выставить девчонку из магазина и никогда о ней не вспоминать, однако что-то не дало произнести ни слова. От взгляда юной ведьмы по спине прошел холод.

– Мне не интересна жизнь здесь, пани Валевская, – ровным голосом произнесла Алина. – Я давно уже изучаю пути потусторонних сущностей. Во-первых, это мне намного интереснее, во-вторых, возможно, я сумею разыскать отца.

Мария чуть нахмурилась:

– Но убить… Алина, никакого криминала и…

– Перевоплощение в старинных гримуарах величается «убийство», – неожиданно чуть нахмурилась она и вздохнула. – Ох, простите, пани Валевская, сорвалось. Речь идет не о физическом убийстве, нет-нет. Чтение отцовских гримуаров что-то совсем не дает перестроиться на современный лад.

Мария облегченно выдохнула. Убрала сигарету подальше. За Каторжинской лучше следить в оба. Возможно, это оговорка будет не единственной.

Как при помощи зелья заставить душу человека покинуть свое тело, она прекрасно знала. Правда, в таком случае в него мог заселиться кто угодно. И прежним этот человек уже не станет никогда.

Мария взяла ближайший флакончик духов, вдохнула аромат. Фиалки, ваниль, жасмин. Один из самых удачных, тот самый, который так любил Налион Первый, великий император Франсаи, с которым она…

Мотнув головой и отогнав мысли о далеком прошлом, где все было прекрасно и упоительно сладко, она спросила:

– Какие гарантии, что с меня не потребуют ответа, панна Каторжинская? Перевоплощение не карается законом, но в то же время это не каждодневное дело.

– О… – На бледных губах Алины появилась улыбка. – Не переживайте, я написала документ и поставила колдовскую печать рода. Если вы согласны мне помочь, то документ будет у вас.

Неплохо. Но…

– А еще собрание гримуаров мадам Шаанель «Руководство для парфюмеров» из библиотеки рода Каторжинских, – тонко улыбнулась Алина.

Мария позабыла, как дышать. Вот это да! Легендарные гримуары самой Шаанель! Ох… Даже сердце заколотилось быстро-быстро. Да о них мечтает любой, кто связан с изготовлением духов! Как они оказались тут, у Каторжинских? Впрочем, неважно!

Награда за зелье перевоплощения была слишком хороша. Да что там… Никто такого больше не предложит. Тем не менее пришлось взять себя в руки.

– Алина, а вы подумали над тем, что будет с вашим телом? – все же уточнила Мария.

– Подумала, – кивнула та. – Не переживайте, там будет все хорошо. Никто не узнает правды.

…Каторжинская уже давно ушла, а Мария Валевская все сидела в кресле и смотрела в окно, не в силах подняться и заняться делами. По-хорошему, не стоило соглашаться. Не стоило снова влезать туда, где может быть опасно. Кто знает истину об Алине Каторжинской, ее целях и стремлениях?

И в то же время интуиция подсказывала, что девушка говорила правду. Ей действительно будет лучше где угодно у посторонних сущностей, чем в родном

доме…

* * *

– И вы согласились? – хрипло спросила я.

Мария смотрела на золотые кольца, украшавшие ее длинные пальцы. В крупных александритах танцевали красные искры. Казалось, мысли прекрасной парфюмерши были очень далеко от меня, увитого розами балкончика и вечернего Львовиша.

– Согласилась, – наконец-то произнесла она. – Алина была настойчивой девочкой. Ей и правда не хотелось тут находиться.

– Ну, родственники у нее противные, конечно, – буркнула я. – Но ничего такого, чтобы сбегать в другое измерение.

Или я чего-то не знаю? Сложно судить о даре. Что его потеря для ведьмы? Для меня отсутствие колдовских способностей – все равно, что исчезновение третьей руки, которой никогда не было. А для Алины?

– А… – Я невольно взлохматила волосы, не зная, как правильнее сформулировать вопрос. – У вас все получилось?

– Учитывая, что ты здесь – все, – качнула головой Мария. – И назад отсюда дороги нет. Душа Алины не сможет вернуться в собственную оболочку. А ты – к прежней жизни. И теперь твоя очередь рассказать, кто ты и как сюда попала.

Не смогу…

Внутри все сжалось. Почему-то резко захотелось зажать уши, зажмуриться и заорать, чтобы меня не трогали. Вмиг накатила апатия и желание никого не слышать.

Только на улице шелестел листвой деревьев ветер, переговаривались прохожие и трещали сверчки. Розы сводили с ума ароматом, а загадочная пани Валевская

смотрела на меня и ждала ответа.

Я вздохнула. Что ж, во всяком случае она была откровенна. Это чувствовалось.

– М-да, у меня не такая веселая биография, как у вашей Алины, но все устраивало. Ровно до того момента, как меня сбила машина, а господин в черном костюме вручил серебряный кулон в виде летучей мыши.

– Господин? – удивилась Мария. – Какой господин?

* * *

Возвращалась я за полночь. Разговор с пани Валевской затянулся. Бецик уже начал летать и усиленно семафорить, что пора домой и нечего рассиживаться в гостях. В меня, по правде говоря, больше не лезли ни вафельки, ни пироженки, ни горячий шоколад, которым угощала пани. Да и кофе, казалось, еще чуть-чуть и польется из ушей. Как и информация, которой меня попотчевали от души.

А вот, к сожалению, про господина с кулоном Валевская ничего не знала. Это серьезно удручало.

Я бодро шагала по ночным улицам, обхватив себя за плечи. Как-то не рассчитала, что так похолодает.

Так, надо отвлечься.

Так вот, Алина Каторжинская. Она была особой явно… не совсем нормальной. Но в то же время мышиную ведьму сложно судить только со слов Валевской. Тетка и ее кобры явно Алину не любили. Хорошо к ней относилась Дорота. И Лешек. Но, черт возьми, было же что-то, что не давало ей выйти за него замуж, нарожать кучу детей и счастливо жить, по утрам показывая язык любимой тетушке в соседнем доме!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/komarova_marina/ved-ma-na-vydan-e

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить